

:i ṙṭṭṙṙṙṙ :

ПАЛАНТИР

ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО
ОБЩЕСТВА
САНКТ – ПЕТЕРБУРГА

№56

июнь 2008

:i ṙṭṭṙṙṙṙ :

:i ṙṙṙṙ ṙṭṭṙṙṙṙṙṙ Ṗṙṙṙṙṙ Ṗṙṙṙṙṙṙṙṙ :

Кеменкири (Е.Ю. Лебедева). Толкиен о верности лорда и вассала: О возможности «применимости» несредиземских текстов.	4
А. Гумерова (Ангел). Потаенные эльфийские королевства в Третью эпоху, или особенности встречи Братства Кольца в Лотлориэне. . 17	
Хэльги Липецкий. Геополитическая и военная хронология Второй Эпохи.	21
Екатерина Шемяк. Отчет о выставке рисунков по мотивам произведений Толкина.	31

На последней странице - работа **Екатерины Шемяк**
 “Берен и Люттиен на пути к Ангбанду ”

Palantir®

ПАЛАНТИР

№ 56 июнь 2008

ЖУРНАЛ

ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

*Этот номер для вас делали: Ари, Мария Семенихина,
 Дмитрий Виноходов, Золтан Бардинг, Моргул*

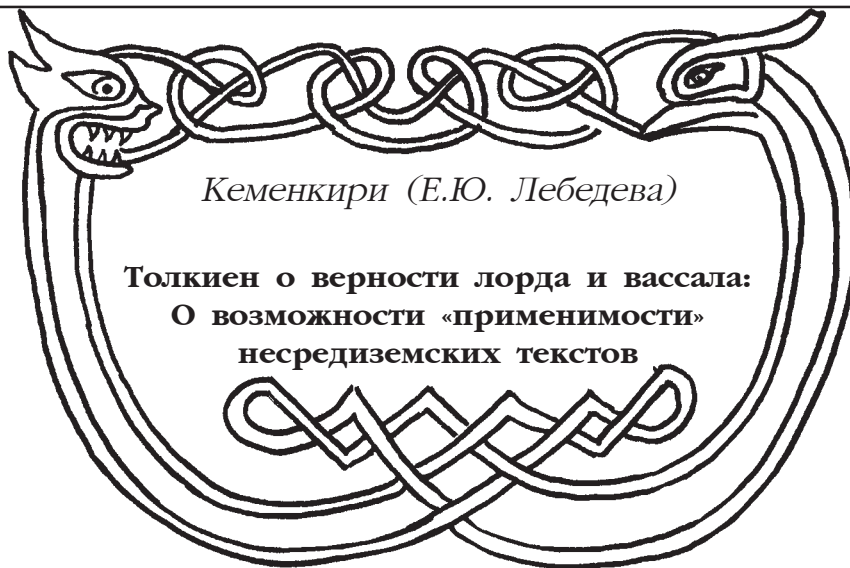
Наш адрес: 197110 Россия, СПб, ул. Б.Зеленина 15-33
E-mail: zoltan2008@yandex.ru barding@mail.ru

Наш сайт: tolkien.spb.ru

Copyright (c) 1997-2008, Толкиновское Общество СПб
 Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Просим присылать файлы только в формате RTF.
Издание журнала не преследует коммерческих целей.

Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов
Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.

Сказать, что в обозримой мною части фэндома достаточно часто вспыхивают дискуссии «о верности» - это мало. Такая констатация ничего не прояснит в самой теме, да и совершенно не передаст их объем, страстность обсуждения... и зачастую - безрезультатность.

Подойдем к вопросу более четко. Предметом дискуссий, по моим наблюдениям, довольно часто являются:

- во-первых, вопрос о вассальной верности, т.е. отношениях лорда и вассала (короля и его воинов); при этом наиболее часто обсуждаются именно действия вассала, относящиеся к соблюдению, а также нарушению вассальной верности лорду, условия прекращения этих отношений;
- во-вторых, тема смежная, но, на мой взгляд, имеющая определенные общие черты с первой: вопрос о клятвах, их соблюдении и нарушении, об отношениях других с «носителями» клятв. Чаще всего речь, конечно, заходит о Клятве Феанорингов, но есть и другие примеры (клятва Финрода, клятва Берена и т.д.). Общность тем, на мой взгляд, состоит в том, что клятва также предполагает сознание неких **обязательств**, которые, соответственно, могут быть соблюдены или нарушены.

Возвращаясь к самим дискуссиям, хотела бы сказать, почему я говорю о частой *безрезультатности*. В основном потому, что большинство представляемых аргументов - это личные мнения и представления участников¹, а также произвольные исторические аналогии (и их зачастую не менее произвольные интерпретации).

И если к первой категории - личным мнениям - можно подходить лишь с точки зрения наличия/отсутствия внутренней логики изложенного построения (что далеко не всегда применимо, и еще реже - может как-то изменить мнение высказавшегося), то часть вторая, «историческая», заслуживает более пристального внимания - и более научного подхода.

Вне зависимости от того, как каждый из нас решает для себя основной вопрос остогеровской классификации толкиенистов («придуманно или увидено?»), можно смело сказать: доступный нам в текстах Толкиена мир *Средиземья существует не изолированно*. Причем именно вопрос о непосредственном соотношении его с земной историей (а

также географией, геологией, астрономией и др.) едва ли решаем научными методами, поскольку находится за их пределами. Так же достаточно сложен вопрос о сопоставлении различных исторических эпох Средиземья с периодами истории различных стран Земли. Ни одно сопоставление не дает полного сходства и включает иные элементы, - даже если речь идет о столь «беспронизышных» вариантах, как роханцы и англосаксы (у последних мы не наблюдаем такого развития коневодства, которое составляет основу хозяйства Рохана)²; а в изображении хоббитов исследователи довольно убедительно усматривают черты таких непохожих стран и времен, как викторианская Англия и древняя Исландия.

В то же время те или иные сопоставления - конечно, частичные, но, тем не менее, продуктивные (хотя бы тем, что они помогают лучше представить - а порой и понять тот или иной момент истории Арды) мы неоднократно встречаем у самого Толкиена, однако не в самих «текстах о ...» (из которых исследователям остается только делать выводы более или менее достоверные), но более всего - в его письмах. Также порой мнение автора (относящееся не только к историческим сопоставлениям) выражается в различных заметках и черновиках.

Здесь и коренится одна из проблем обсуждений и споров, описанных выше: нехватка источников, в том числе именно тех, которые бы выражали мнение автора об описанных событиях, его размышления и выводы о персонажах. В то же время мы знаем, что Толкиен много размышлял о характерах и поступках персонажей, в том числе «второстепенных»³. Многие из этих размышлений отразились в письмах автора. Однако, хотя опубликованы не все письма, у нас довольно мало надежд на открытие здесь новых источников по временам ранее конца Третьей Эпохи: Профессор писал в наибольшей мере о том, о чем спрашивали его читатели, а времена Белерианда в опубликованных при его жизни текстах затрагивали лишь краткие упоминания в приложениях «ВК». Несколько легче (и гораздо запутаннее!) ситуация с персонажами, доживающими с Древних Дней до конца Третьей Эпохи, но это как раз не относится к большинству интересующих нас действующих лиц. (Таким образом, в данном докладе мы оставляем в стороне такой источник аналогий и выводов, как тексты о событиях Третьей Эпохи, затрагивающие аналогичные сюжеты поскольку эта тема, на мой взгляд, заслуживает отдельного рассмотрения, с одной стороны, и, с другой стороны, эти тексты и сюжеты более доступны и известны обсуждающим, - хотя все равно используются недостаточно полно).

Наконец, имея в виду различные заметки и наброски (понемногу публикуемые и после выхода 12-томника), все же следует отметить, что в большинстве своем они содержат либо филологические или иные общие рассуждения, либо наброски хода событий того или иного сюжета, избегая подробных характеристик поступков и характеров героев, - хотя бывают и исключения⁴.

Однако существует и еще одна категория текстов Толкиена, на мой взгляд, вполне применимая при обсуждении указанных выше вопросов, - но применяемая довольно редко. Речь идет о не-средиземских текстах Профессора, написанных в осуществление его другого, не менее яркого и живого и при этом профессионального интереса, - о статьях, посвященных произведениям древнеанглийской литературы.

Поскольку речь идет об исследованиях, посвященных другим сюжетам, а также временам и землям (как бы ни позиционировали местонахождение Арды), хотелось бы кратко обосновать возможность применения, - или, употребляя толкиеновский термин, «применимости» этих исследований к заданной теме.

Во-первых, речь идет о произведениях одного и того же автора, и потому, как бы ни разнились «времена и нравы», основные

моральные и нравственные критерии при его подходе к персонажам той или иной истории останутся теми же.

Во-вторых, сходство эпох - даже, скорее, сюжетов, рассматриваемых в них, - не ограничивается только тем, что и те, и другие были интересны профессору Толкиену.

Исследователи отмечают, что одной из центральных тем древнеанглийской литературы являлись как раз так называемые «героические отношения» - а именно отношения короля и его воинов. Подчеркивается обязанность короля вести и защищать своих людей, а также обязанность людей короля поддерживать его и быть ему верными; тема часто раскрывается через контраст между теми, кто выполнил и теми, кто не сдержал данные обещания⁵. Этот контраст довольно ярко показывают такие произведения, как «Беовульф» и «Битва при Мэлдоне». Другой немаловажной для нас темой было одиночество человека, лишенного выпавшей ему в прошлом благосклонности лорда (по причине немилости или гибели такового) и общества соратников («Деор», «Скиталец»)⁶.

Таким образом, эти характерные для древнеанглийской литературы темы во многом пересекаются с затронутыми выше вопросами. Не избежал их рассмотрения и Толкиен.

Комплекс его филологических статей и исследований немал по объему и достаточно разнообразен. Наиболее известные статьи были объединены в сборник «Чудовища и критики»⁷, но ими список далеко не ограничивается. Два произведения, к которым я хотела бы сейчас обратиться, в него тоже не входят. Тем не менее, первое из них неоднократно⁸ переводилось и публиковалось на русском языке. Речь идет о небольшой статье «Of ermod», сопровождающей небольшую же пьесу «Возвращение Беорхтнота, сына Беорхельма», - а пьеса, в свою очередь, является фантазией на тему продолжения событий, описанных в уже упомянутой поэме «Битва при Мэлдоне». И тема отношения военачальника и его воинов рассматривается здесь (более в статье, но также затрагивается и в пьесе) самым непосредственным образом.

Позволю себе кратко напомнить канву исходных событий. В августе 991 г. на юго-востоке Англии, близ городка Мэлдон, случилось событие, для тех времен в высшей степени характерное: приплыли викинги и потребовали дани, в противном случае угрожая битвой. Битва в конце концов и состоялась, и закончилась она поражением англичан: погиб Беорхтнот, правитель Эссекса, а рядом с ним полегла вся его дружина. Поскольку викинги замыслили именно набег, исторического значения это поражение, строго говоря не имело, нападавшие награбили достаточное количество добычи и отплыли - да и подобные набеги совершались не раз и не только на Эссекс. Слава битвы при Мэлдоне основана на ином событии: до нас дошла древнеанглийская поэма, описывающая ход сражения. Точнее, дошел сохранившийся отрывок, без начала и конца (русский перевод поэмы начинается со слова «...вдребезги» - причем мы так и не узнаем, что же разлетелось). В нем описываются само сражение, речи Беорхтнота и его воинов, гибель правителя и некоторых из его соратников. Поэма, впрочем, ценится не только (и не столько) за изложение событий, но и за наиболее, возможно, четко выраженный (в словах сражающихся) дух т.н. «северного мужества».

Действие пьесы Толкиена происходит в ночь после битвы: двое воинов, не участвовавших в ней, посланы найти на поле боя тело Беорхтнота. Их путь - и разговоры во время пути - и составляют содержание пьесы.

А сопровождающая ее статья, напрямую касаясь вопросов и героизма, и отношений лорда и вассала, исходит в этих рассуждениях из одного из самых спорных понятий поэмы, вынесенных в ее заглавие. Дело в том, что именно Беорхтнот не воспользовался позиционным преимуществом обороняющихся, и перед началом битвы разрешил викингам переправиться с острова, где у них был лагерь, на берег, из-за своего of ermod'a, как говорит сам текст поэмы - что Толкиен переводит как «неукротимая гордость».

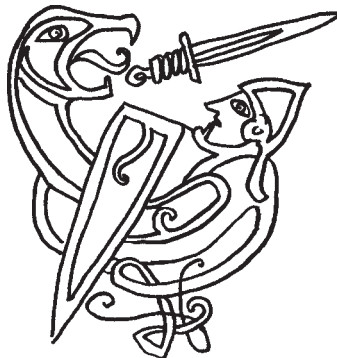
(Нужно сказать, что вокруг этого одного слова развернута, похоже, едва ли не большая часть научной полемики о «Битве при Мэлдоне», и от его толкования, от того, какой, по мнению исследователя, смысл вкладывал поэт в это слово - положительный, отрицательный или даже намеренно двусмысленный⁹ - зависит и оценка им поэмы в целом, - и вклад Толкиена в такой поворот дискуссии был достаточно весом: Шиппи, отвергающий его толкование как «тенденциозное и чересчур личное», с сожалением отмечает, что Толкиен оказался весьма убедителен для многих¹⁰).

Однако нас сейчас интересует не состояние научной полемики, и даже не то, какое же значение это слово **на самом деле** имело в древнеанглийском языке, - а только то, какую концепцию данный предмет обсуждения позволяет изложить Толкиену.

И здесь следует заметить, что при всем несомненном интересе и сопереживании писателя древнеанглийскому мировоззрению (и его стержню - теории «северного мужества»), писатель, живущий примерно на тысячу лет позже, непременно вносит в своё восприятие и интерпретацию иные, точнее, иновременные оценки и концепции. (Так, в пьесе аллитерационный стих сочетается с современной формой пьесы включающей не только драматический диалог персонажей, но и ремарки¹¹).

Поэтому немаловажно заметить, что древнеанглийская литература, рассматривая, как говорилось выше, тему «героических отношений», сосредоточена на показе таких сочетаний, как хороший (правильный) лорд и хорошие/плохие (верные/неверные) дружинники. Именно контраст двух категорий последних придает яркость ситуации в последней части «Беовульфа» и в той же битве при Мэлдоне: противопоставление тех, кто бежал из битвы и сражался в ней до конца; тех, кто не пошел вместе с Беовульфом на бой с драконом (между прочим, не идти в бой сам же Беовульф им и приказал!) и того, кто все же бросился ему на помощь, нарушая приказ. (Поскольку в статье Толкиен примерно в равной мере подробно касается как сюжета «Битвы при Мэлдоне», так и «Беовульфа», далее я также буду использовать примеры из обоих текстов).

Между прочим, Толкиен касается в статье и этой ситуации приказа оставаться позади, и, возможно, именно на ее примере наиболее ярко видна разница угла зрения и оценки. В поэме воины, выполнившие то, что им приказано, порицаются по меньшей мере трижды (автором, а также устами Виглафа - того из них, кто все же бросился на помощь). Толкиен тоже упоминает Виглафа, но лишь как пример «героизма любви и подчинения» (Беовульфу, его военачальнику и родичу), опуская осуждающие речи. И как раз исходя из того, что со стороны *подчиненного* предполагается беспрекословное подчинение приказам (т.е. оно не ДОЛЖНО БЫТЬ, оно просто есть), Толкиен говорит об огромной **ответственности** того, кто эти приказы отдает - лорда, короля, военачальника. Т.е. речь идет прежде всего не о героизме и не о верности, но об ответственности - короля (лорда, полководца) за жизни своих подданных и за то, ради чего он готов ими пожертвовать. И здесь как Беорхтнот, так и Беовульф оказываются вовсе не положительными примерами. Именно потому, что первый «устраивает из битвы “спортивное состязание” с равными условиями для обоих противников, но платят за это подчиненные ему люди»; второй же отказывается от помощи отряда, вместе с которым отправляется против дракона, из-за чего «подчиненные Беовульфу воины подверглись большей опасности, чем это было необходимо», дракон был убит все равно лишь благодаря помощи одного из них, а «народ потерял короля, что повлекло за собой множество бедствий».

В чем же состоит необходимость, ради которой, по мнению автора, стоит жертвовать жизнями воинов? Ответ достаточно прост и на протяжении статьи сформулирован в сходных выражениях дважды:

«...он [Беорхтнот] был в ответе за подчиненных ему людей и имел право рисковать их жизнями только в одном случае - в случае необходимости защитить государство от безжалостного врага.»

И позже, обращаясь уже к материалу поэмы «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь», Толкиен говорит:

«Таким образом, повелитель может быть прославлен деяниями своих рыцарей, но он не должен использовать их преданность или подвергать их опасности только ради этой цели.»

Нарушение этого правила, излишнее, необоснованное геройство - за счет собственных подчиненных - не оправдывает для него то, как красив был сделанный жест и доблестен совершенный в результате подвиг. Деяния того же Беорхтнота удостаиваются довольно убийственной характеристики:

«Возможно, это величественно, но совершенно неверно. Слишком глупо, чтобы быть героическим. Даже собственной смертью Бьортнот не мог уже полностью искупить своего безрассудства.»

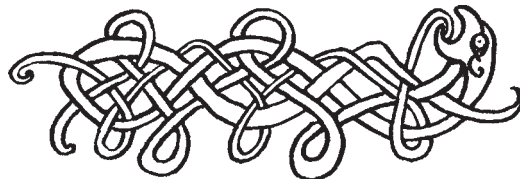
При этом Толкиен полагает, что все это - не только его собственная оценка, но и нота, звучавшая в самих поэмах. Ее изрекают, конечно, не дружинники и не в ходе самой битвы, но поэт, после складывающий песнь: «Их делом было терпеть и умирать, а не задавать вопросы, хотя поэт, описывающий битву, вполне мог понимать, что военачальник совершил грубую ошибку» - говорит он. Впрочем, говоря о выраженном в поэме чувстве, Толкиен видит там не только осуждение, но те же любовь и преданность, что и у дружинников:

«Если разобраться, эти слова представляют собой суровую критику, пусть вполне уживающуюся с верностью и даже любовью.»

И это неудивительно, хотя поэты, по его словам, «стоят выше *издержек рыцарского духа* и даже выше героизма», поэт, как мы понимаем, живет не в башне из слоновой кости: его песни звучат и слушаются на пирах той же самой дружины. А значит, могут выражать не вовсе чуждые им мысли. Не случайно в самой песне Толкиен отдает Тиде, более умудренному воину, именно эту смесь любви, верности и критики совершенной ошибки; более того, хотя Тида - человек простой и гораздо более практичный, чем молодой и романтически настроенный Тотта, он тоже знает и героев древних историй, и знаком с поэтическим слогом: желая подколоть Тотту, он тут же импровизирует стихотворный отрывок излишне патетического стиля.

Таким образом, Толкиен, рассматривая известные героические сюжеты, не только добавляет дополнительный аспект в рассмотрение, но и смещает на него фокус внимания: с одной стороны, ответственность правителя, столь высокая, что ради нее стоит отказаться от «героических, но глупых» подвигов; с другой стороны - любовь и преданность, столь сильные, что их не ломает даже понимание ошибки своего правителя - но само это понимание не становится не запретным, ни недолжным.

Интересно, что когда уже в собственно толкиеновской истории, кстати, возникает мотив героя, который пошел на встречу с драконом, и с ним пошли немногие, а в результате дошел он один (я говорю, конечно же, об истории Турина), никто из его спутников (в ранних версиях число их изменялось) не попадает в ловушку «выполнил приказ, противоречащий героическому кодексу, и порицаем именно за это». Его спутники могут погибнуть по нелепой случайности -

или бросить его, испугавшись, но тогда они принимают свое решение самостоятельно.

Интересна и важна та единственная цель, которая, повторюсь, только и стоит того, чтобы жертвовать жизнями воинов - защита страны от непримиримого врага. Эта формулировка очень современна - и в то же время очень архаична, она отсылает нас во времена не только до рыцарства, но и, пожалуй, до идеологии «северного мужества».

(Что же касается северного мужества, то при всем уважении к идее непреклонной стойкости перед лицом неизбежного поражения Толкиен замечает, что эта доблесть - всегда «золото с примесью», т.е. с возможностью искажения первоначальной цели: поскольку такое поведение похвально, то для следующего ему всегда остается опасность гордыни и тех самых «героических» излишеств. Впрочем, важно и то, что если речь идет о простом воине, от его героической избыточности не пострадает никто из стоящих ниже и обязанных беспрекословно подчиняться).

А при обращении к истории Арды относительно цели войн невольно вспоминаются слова Фарамира, где такая же расстановка ценностей подразумевается как присущая некогда Людям Запада до прихода Тени:

«Мы стали Средними Людями, мы теперь Люди Сумерек, но сохранившие память иных времен. Ибо, как и рохиррим, мы теперь любим войну и доблесть сами по себе, ценим превыше всего воинскую доблесть и любим бранную потеху; правда, и сейчас воину положено знать и уметь многое помимо владения орудием и ремесла убийцы; но все же воин, а не кто другой, у нас в особом почете» (гл. «Западное окно»)¹².

Хотя Толкиен практически не пишет об отношении к воинам у эльфов, но думается, что к ним эти слова вполне применимы, как и созвучные им мысли из статьи «Ofertmod» - в том числе об ответственности правителя и отношении подчиненных к его ошибкам.

Наконец, хотелось бы отметить, что если в исследовании Толкиен, как уже говорилось, смещает основное внимание от верности подчиненного на ответственность правителя, то в «Сильмариллионе» и иных текстах по истории Первой Эпохи он зачастую рассматривает ситуации, более сложные, чем стандартная героическая диспозиция «правитель и хорошие/плохие воины» - даже если мы допустим, что правитель был идеален.

Характерным примером является ситуация в Нарготронде в сюжете «Лэйтиан». Здесь в «конфликт верностей»¹³ вовлечено гораздо больше двух сил: Берен и его клятва Тинголу; Финрод и его клятва роду Барахира; взаимные обязательства короля Нарготронда и его народа; двое сыновей Феанора и их Клятва; взаимные обязательства Келегорма и Куруфина и их дружинников - а также не стоит забывать про Ородрета, Келебримбора и Хуана... В задачи этого доклада не входит подробный разбор данной ситуации; замечу лишь, что ситуация, как мы видим, действительно сложна, и позиция едва ли не каждой стороны неоднозначна, хотя при подробном разборе мы встретимся с уж знакомыми темами - ответственности, оправданности действий, верности и осуждения... Отметим и еще один важный момент. Если поступки как Беорхтнота, так и Беовульфа Толкиен называет «благородной ошибкой или ошибкой благородного», - т.е. совершенной из, возможно, неразумных, но героичных и возвышенных побуждений, то в данной ситуации (и не только в ней) мы встречаемся в «Сильмариллионе» с еще одним вопросом: каким может (или должно быть) поведение воина или подчиненного, если приказывающий ему совершает поступок **явно** неблагородный? Таким образом ситуация становится еще более неоднозначной.

И, говоря о неоднозначных ситуациях, я хочу обратиться еще к одной работе Толкиена на темы древнеанглийской литературы, где он как раз уделяет достаточно

много внимания герою, оказавшемуся в неоднозначном положении и в состоянии «конфликта верностей».

Это небольшая книга, озаглавленная «Финн и Хенгест», и появление ее связано с любопытной историей. В 1960х годах филолог Алан Блисс сделал доклад об одном сюжете, сохранившемся в двух древних текстах. Доклад содержал любопытные выводы, но коллеги сообщили «мистеру Блисс», что практически ко всем из них уже однажды пришел некто Дж.Р.Р. Толкиен... только до сих пор нигде не опубликовал свои результаты. Позже состоялась встреча двух исследователей, и они вполне доброжелательно договорились, что Блисс опубликует то, до чего у Толкиена все не доходят руки... однако получить соответствующие бумаги и привести их в порядок ему удалось лишь после смерти Профессора¹⁴. Книга вышла в 1982 году, на год раньше первого тома «Утраченных Сказаний» (где Кристофер Толкиен даже ссылается на нее), однако до сих пор остается малоизвестной толкиеновскому читателю, и не только русскому (что можно было бы объяснить отсутствием перевода).

С одной стороны, это вовсе не удивительно. Текст представляет собой научный комментарий к двум отрывкам на древнеанглийском (изобилующий словами на оном языке без перевода), причем основан он на конспектах лекций, которые Толкиен читал, начиная с 30х годов. То есть перед нами текст сухой, сложный и строго специальный.

Однако мы знаем, что отношение Толкиена к изучаемым временам и словам было далеко от сухого и отстраненного. И потому тот, кто продерется сквозь трудности текста, найдет здесь немало интересных мыслей, ни чем не уступающих тем, что высказаны в иных статьях, более известных читателям (например, из сборника «Чудовища и критики» или тот же «Of ermod»).

Для начала мы, как и в прошлый раз, кратко обратимся к сюжету - и самому тексту - точнее, *текстам*, поскольку интересующая нас история сохранилась в двух, - отчего она, увы, не становится более ясной, а реконструкции разных исследователей, касающиеся хода событий, иногда сильно различаются между собой. Первый текст снова отрывок без начала и конца (так называемая «Битва при Финнсбурге») действительно повествует о ходе некой битвы, а текст второй - фрагмент «Беовульфа», где кратко и сжато пересказан сюжет песни, исполняемой на пиру, и песня как раз говорит о событиях, развернувшихся **после** битвы, - но ни один из текстов не отвечает прямо на вопрос, **почему именно** она началась! Учтем также явную отрывочность первого текста и крайнюю сжатость второго, граничащую с невнятистью для современного читателя (Р.У. Чамберс, филолог, также обращавшийся к этому эпизоду, отмечает, что при чтении текста в его второй половине довольно быстро перестаешь понимать, кто именно имеется в виду под очередным «он» или «его»)¹⁵ - в то время как древний слушатель слышал уже определенно знакомую ему историю.

Сейчас, для нужд нашего обсуждения, я приведу краткую реконструкцию событий, как ее дает в своей книге Толкиен. Повторюсь, что здесь не рассматривается ни критика и версии других ученых, ни вопрос «как оно на самом деле было» в Древней Англии. Нам важна именно точка зрения Толкиена - в том числе как отправная точка его рассуждений.

Итак, к королю Фризии по имени Финн однажды осенью (а значит - на всю зиму, потому что она - время несудоходное) приезжает брат его жены, Хнэф (в тихомировском переводе «Беовульфа» - Хнав), тоже какой-то мелкий правитель, со своей дружиной. Тут и начинается некая распря, в итоге которой на приезжих нападают ночью в пиршественном зале. Интересно же то, что ее, похоже, не начинали ни Хнэф, ни Финн (нет даже намек на их виновность) - поэтому исследователи чаще

всего полагают (в том числе по аналогии с одним из «беовульфовских» сюжетов) следующее: кто-то из их дружинников увидел среди прибывших недавних противников по какой-то недавней и неотомщенной распре, причем именно служившие Финну посчитали себя несправедливо обиженными.

И, как было сказано выше, напали. Финн их не подстрекал, но и остановить, видимо, был либо не в силах, либо не вправе, благо в те времена кровная месть была нормой жизни, как мы еще увидим.

Но оборонявшиеся несколько дней продолжали успешно отбиваться, да так, что перебили большинство лучших воинов Финна. Правда, погиб сам Хнэф, но в целом потери его воинства были меньшими. И потому, когда попытки выбить их из дворца поухили, они предъявили условия. А Финну ничего не оставалось, как на них согласиться. От имени выживших воинов Хнэфа договаривается некто Хенгест - персонаж ясно не рядовой, хотя Хнэфу не родич и не наследник (первый текст упоминает его один раз, но многозначительно: «сам Хенгест»).

Итак, на всю оставшуюся зиму выжившие входят в число подданных Финна, получают пропитание и подарки, как и его собственные воины, а эти собственные никому не поминают старого... И ситуация получается любопытная и странная. С одной стороны, их не победили и они смогли диктовать свои условия, - а с другой стороны, они сидят в доме короля, воины которого убили их короля ...

До весны ничего важного не происходит, затем многие отплывают, остается Хенгест с частью воинов, - но в этом нет ничего странного, он вполне может теперь оставаться на службе у Финна... Но уплывшие возвращаются с подкреплением, и запоздавшее мщение - как, видимо, и было заранее условлено между уплывшими и оставшимися, - наконец совершается. Финн гибнет, его супругу увозят на родину вряд ли теперь очень любезные ей соплеменники...

И на этом певец из «Беовульфа» завершает свою песню.

Хотя, как мы видим, в этой истории несколько основных действующих лиц, а в заглавие толкиеновской книги (и нескольких курсов лекций, на основе которых она написана) попали двое, исследователи еще до Толкиена (к примеру, тот же Чамберс) отмечали, что вся вторая часть эпизода из «Беовульфа» посвящена прежде всего Хенгесту - участию в переговорах, нелегким размышлениям в продолжение зимы, а затем - принятым решениям. Наиболее интересные для нашей темы размышления Толкиена также посвящены Хенгесту. И первое, что привлекает в них внимание, даже если не знать ничего о существовании ученой полемики по этому сюжету (как не знала, к примеру, я, принимаясь за чтение) - они отчетливо полемичны. Несмотря на частое отсутствие ссылок (что неудивительно: напомним, основной источник книги преподавательские конспекты, не менее сжатые, чем пересказ данного сюжета в «Беовульфе»!) понятно, что Толкиен с кем-то спорит - и ознакомление с той же книгой Чамберса (где дан краткий обзор существовавших к 1920-м гг. концепций) только подтверждает это.

Причем по меньшей мере 2 концепции (о которых Чамберс с сожалением замечает, что они все еще распространены) наполняли эту историю примерами предательства и подлых замыслов: предполагалось, что Финн уже приглашает Хнэфа с намерением неожиданно напасть и убить его, а Хенгест затем остается у Финна, с самого начала имея четкое намерение воспользоваться этим для будущей мести. И если Чамберс (помимо разбора других недостатков и сложностей этих теорий), уделяет немало места защите доброго имени Финна, то на долю Толкиена остается Хенгест.

И уже первые его рассуждения о герое перекидывают мостик к тексту, обсужденному нами только что - а значит, и к затронутым в нем вопросам:

«Он, вероятно, был героем типа Беорхтвольда...»¹⁶ Этого Беорхтвольда не следует путать с Беорхтнотом - это один из его воинов, и именно в его уста автор «Битвы при Мэлдоне» вложил строки, считающиеся (по словам Толкиена, но не только по его мнению) «самым совершенным выражением героического

северного духа, будь то скандинавского или английского»¹⁷:

*Духом владейте, доблестью укрепитесь,
Сила иссякла - сердцем мужайтесь!*

Немного ниже Толкиен продолжает: «Как ни странно, верность - это единственная черта, - крайняя верность своей присяге и своему слову, - которую мы можем понять в его характере и относительно его функции в этой истории, - кроме, конечно, исключительной доблести»¹⁸.

И еще ниже, где он касается возможных разговоров о мести среди выживших воинов Хнэфа: «Исходя из всего, что мы знаем, непреклонная верность своему слову была столь характерна для него, что люди боялись к нему приближаться, пока по неким внешним знакам не стала понятна его внутренняя неуверенность»¹⁹.

Итак, там, где другие ученые могли увидеть подлые замыслы (по мнению одного из них, они были тайными, но при этом столь явными, что Финну **пришлось** не менее предательски напасть и на Хенгеста...), Толкиен видит верность и доблесть. Что довольно интересно для нас еще и потому, что пока и отсылка, и сами качества указывают нам скорее на доблести, характерные для подчиненного (простого воина), но Хенгест (по крайней мере, со времени гибели Хнэфа) если не руководит, то по крайней мере, дважды принимает решения, важные прежде всего для **других** - прочих выживших воинов.

Именно это - действия ради **других** - немаловажно для Толкиена (а характерно уже именно для правителя, и полностью противоположно действиям «героев имени офермода»). Нужно еще отметить, что, учитывая особое положение Хенгеста («сам Хенгест», хотя он не представлен как отдельный правитель), Толкиен предполагает, что он мог быть **бывшим** правителем какого-то небольшого племени, возможно, оставшимся «героем без места» в результате какой-то недавней распри, - возможно, как раз той самой, которая провоцирует начало истории! Он мог покинуть свою страну, но прийти на службу к Хнэфу (как нередко случалось в то время) с каким-то числом **своих** воинов. Таким образом, он мог бы не брать на себя ответственность за всё остальное войско (позаботиться лишь о своих или держаться идеи неперемennого сражения до конца), но предпочел это сделать, - и договориться с Финном об условиях, на которых они остаются у него, пока время года не станет подходящим для плавания (кроме того, Толкиен полагает, что сама идея условий исходила не от Хенгеста, а от воинов в целом).

И наконец, к верности и ответственности за других (к которой мы еще вернемся), добавляется еще одна немаловажная черта: перед нами **думающий** персонаж. Для Толкиена история о том, как вначале некие условия были установлены, а затем нарушены, - еще не гарантия того, что их планировали нарушить с самого начала. Всё может быть и не настолько просто.

«Вовсе необязательно думать, - пишет он, - о том, что мрачные замыслы роились в его уме с самого начала. У него была целая зима на размышления. Это более похоже на игру ума с некой идеей (нередко отчасти невольную), которая предшествует финальной уступке порыву»²⁰.

Но мы знаем, что уступка и переход к мести действительно в итоге свершились.

И Профессор пишет об этом немного раньше: «Здесь также явно нарушение верности (troth): и Хенгест верный, возможно, неохотнее прочих приносивший клятву, предстает перед нами не как жестокий побудитель к нарушению клятвы, но как самый вынужденный ее нарушитель. Его необходимо было как-то «подстрекать» - хотя он в своем воображении уже долго играл с этой идеей (неизбежная предварительная ступень перед тем, как впасть в искушение - для любого человека, герой он или нет)»²¹.

Заметим, кстати, что Толкиен поднимается здесь от конкретного персонажа и конкретной ситуации к ситуации общечеловеческой (несовершенство природы человека, невозможность полностью самостоятельного сопротивления злу), причем немаловажной для него - вспомним его размышления о «падении» Фродо в конце его путешествия - и о том, можно ли называть именно *падением* ситуацию, когда некто расходует все свои силы на выполнение задачи, - и в конце концов этих сил просто не остается на дальнейшее сопротивление.

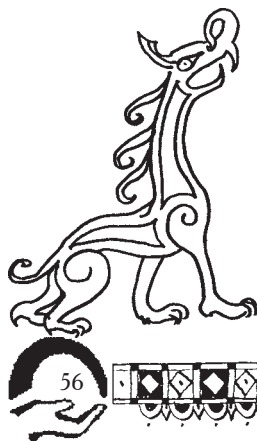
И немаловажно, что эта финальная «уступка» Хенгеста происходит не просто от какой-то слабости характера, но там, где в ситуацию снова вмешиваются **другие**. После описания прихода весны и новых размышлений Хенгеста в поэме следует фраза, толкуемая исследователями по-разному (как и многое в этом тексте):

*«И потому он не отказался от воинской службы (или: службы воинов), когда сын Хунлафа положил ему на колени Хильделеому, лучший из мечей...»*²²

Многие полагают, что речь здесь идет о том, как Хенгесту предлагается **поступить на службу** новому вождю (вероятно, законному наследнику Хнэфа) - и потому принять участие в мести²³. Но «сын Хунлафа» (не названный даже по имени) всплывает в этой истории словно ниоткуда, по крайней мере, он явно не играл в ней значимой роли после окончания битвы, - и потому небезынтересно толкиеновское предположение, которое выворачивает ситуацию наизнанку: воины Хнэфа (под предводительством «сына Хунлафа») приносят Хенгесту меч - вероятно, принадлежавший Хнэфу - как знак **их** готовности **служить ему**, быть его воинами - с тем, чтобы он возглавил их и повел на совершение мести. И он соглашается - но не просто поддаваясь эмоциональному порыву (тоже одно из предположений предшествующих авторов) и не только уступая искушению после долгих раздумий, но вновь принимая на себя ответственность за других, - и за то, что важно для них.

Подведем некий итог. После размышлений об искушении мы не можем сказать, что Толкиен идеализирует героя. Однако речь явно идет о персонаже «положительном» и симпатичном ему, и оснований для этого достаточно: верность, доблесть, но кроме того ответственность за других и способность проанализировать ситуацию, размышлять над ней. Последние два качества - явный антипод жажде славы и скоропалительному героизму, характерным чертам «героя имени офермода». Что немаловажно для нас -

ведь в той статье Толкиен разбирает подробно **три** примера недолжного поведения лорда (Беовульф, Беорхтнот и незатронутый нами сюжет «Сэра Гавейна и Зеленого рыцаря», где осуждению подвергается король Артур). Но все примеры **должного**, положительного поведения, данные в тексте, относятся к *подчиненным*, воинам, - т.е. не разрешают проблему ответственности за других. Упоминание в отношении Хенгеста «героя типа Беорхтволда» перебрасывает мостик к предыдущей статье, - и позволяет принять образ Хенгеста как такой пример именно для образа лорда. Верность, доблесть, да, пожалуй, и способность обдумать ситуацию - эти черты будут общими с образом воина (вспомним размышление о возможности сочетать любовь и осуждение за ошибку!); несомненное - и очевидное,

в общем-то, добавление - это ответственность за других. Повторим, все это не делает Хенгеста идеальным героем без единого недостатка (он действительно нарушает условия договора с Финном!), но именно свои обязанности лорда он выполняет.

Все приведенные заключения Толкиена - плод многолетних размышлений: материалы, по словам А. Блисса, датируются от 1920х до 1960х гг.²⁴ Эта коллизия была ему близка и интересна. Однако в толкиеновской легендарии - даже в той его части, что связана с Эльфине и древней историей Англии, - Хенгест упоминается только в «Утраченных сказаниях»²⁵. В последующих текстах этой тематики («Утраченный путь», «Записки клуба мнений») в набросках «исторической» части повествования упоминаются многие сюжеты ранней европейской истории - но не этот. Поэтому, разыскивая возможное «соответствие» истории о Хенгесте в Средиземье, нам стоит искать скорее столь же сложные ситуации - поскольку мы можем предположить, что отношение Профессора к ним могло быть сходным. А такими ситуациями история Первой Эпохи не обделена.

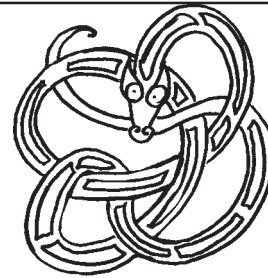
Вспомним хотя бы историю феанорингов после Дориата. Мы можем даже не брать самый финал их истории (хотя в последнем разговоре братьев есть и размышления, и уступка). Достаточно характерна ситуация их отношений с Гаванями Сириона (вести о Камне, пресловутое «отречение Маэдроса» (как бы оно ни толковалось), посольство, само сражение). В том, что эта ситуация сложна, думаю, ни у кого не возникнет сомнений. Но есть и более точное сходство ситуаций. Отмечу следующие мотивы: старая распря, переговоры и условия, и, пожалуй, даже нарушение их²⁶, наконец, неожиданное нападение. Это характеристики самой ситуации. Но интересны и те черты, которые Толкиен связывает с образом Хенгеста, каким он представляется ему: размышления и колебания героя, неоднозначность его действий, роль обстоятельств. Здесь мне хотелось бы привести еще одно высказывание Профессора о нем, итоговое (оно входит в реконструкцию описанной ситуации, которая завершает книгу):

«Вы можете запомнить его характер так, как пожелаете. Из того, что осталось в древнеанглийских текстах, совершенно ясно, что он был влиятельной фигурой (...), но вовсе не обязательно, что он непременно был при этом вероломным, безжалостным или особенно жестоким. Он лишь оказался в таких обстоятельствах. В конце концов (и после определенных внутренних споров и борьбы) он расценил свою первоначальную верность и клятву Хнэфу выше клятв данных Финну по необходимости»²⁷.

Замечу, что указание на обстоятельства - вовсе не попытка снять ответственность с героя, скорее указание на то, что он действовал, принимая во внимание те обстоятельства, в которых оказался, - и в тех пределах возможностей, которые они ему оставляли. Я уже проводила аналогию с ситуацией Фродо, здесь она (действия героя оцениваются не столько по результатам, сколько по намерениям, приложенным силам - и **обстоятельствам** выполнения), думаю, тоже правомерна. И этот параметр может быть применен к историям Первой Эпохи так же, как и к событиям Третьей или сюжетам литературы Древней Англии.

Подводя итоги, хочу еще раз отметить: я говорю не о прямых аналогиях или полном сходстве между конкретными ситуациями (в «Битве при Мэлдоне», «Беовульфе» - и «Сильмариллионе»), но скорее об аналогии уровня сложности и неоднозначности ситуаций, в которые попадают герои. И, соответственно, о параллелях в том, как Толкиен предположительно мог оценивать ту или иную неоднозначную ситуацию, в особенности - поведение в ней короля, лорда или военачальника.

Однозначно предосудительным и ошибочным для него будет предпочтение «красивого» и безрассудного поступка защите своих подданных, ответственности за них, а глубже - придание войне любой иной цели, кроме защиты своей страны от врага.

Также ожидаемы и естественны в этой ситуации преданность и верность воина королю, которая, как предполагается, основывается на любви. Но эта любовь не ослепляет и, давая силы сражаться и за короля, который совершил ошибку, не отнимает возможность ошибку эту увидеть и осознать. И тем больше ответственность лорда, поскольку он решает за всех тех, кто из любви пойдет за ним, не оглядываясь.

Впрочем, ответная верность (короля или правителя - подданным) тоже, как мы видим из второго текста, предполагается как осознанная, **думающая**. Толкиен рассматривает героя, который, оказавшись волей обстоятельств ответственным за других (вместе с их верностью погибшему лорду, их необходимостью отомстить за него), прежде всего заботится о сохранении их жизни, затем долго и непросто обдумывает ситуацию и, наконец, берется за нелегкое и небезупречное дело, предполагающее пренебрежение одной верностью ради другой, а именно ради других, по их просьбе возглавив их.

Думаю, таковы же или близки к таковым были и критерии оценки Профессором других историй, связанных с «конфликтом верностей» и прочими неоднозначными ситуациями в отношениях лордов и вассалов и при соблюдении и нарушении данных клятв. Как раз такими коллизиями и полна история Первой Эпохи - а следовательно, ничто не мешает нам применить к ним выводы, сделанные Толкиеном из других текстов, но на материале сходных сюжетов.

Однако детальная реализация этой «применимости» - сюжет уже для другого исследования.

Примечание.

В этом докладе с самого начала не предполагался подробный разбор тех или иных ситуаций из истории Арды по аналогии с приведенными текстами; я хотела лишь «ввести в научный оборот» необходимый материал для сравнения, которое может произвести кто-то другой (и по крайней мере об одном таком намерении мне было сказано на Зиланте).

Однако поскольку оба раза, когда читался этот доклад (на Зилантконе и на Блинконе 2007 года) мне разными слушателями был задан практически один и тот же вопрос, я постараюсь кратко на него ответить. Нижесказанное, естественно, лишь мое личное мнение.

Речь идет об оценке действий Финрода (в сюжете «Лэйтиан»): как я понимаю, у слушателей могло возникнуть впечатление, что он не попадает в узкие рамки «достойных» поводов для ведения войны и, следовательно, подлежит осуждению.

В ответ хочу обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, как и было сказано выше, ситуация в Нарготронде *сложна*, и *ни одна* сторона конфликта, наверное, не будет *полностью* безгрешной и безошибочной. (Как и - с другой стороны - никто не выступает *немотивированно* дурным или злобным).

Во-вторых, как бы ни был необычен повод (задание Тингола Берену), затеваемые в итоге действия все равно направлены **против непримиримого врага** (а точнее, Врага) как эльфов, так и людей. Не случайно успешное завершение Квеста, как мы знаем, навело Маэдроса на мысль о создании Союза и общем наступлении на Морготта.

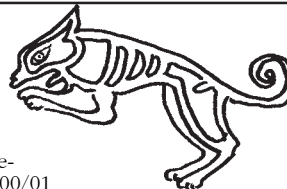
И наконец, какие бы недочеты мы ни отыскивали в действиях Финрода (в соответствии с пунктом первым), в данной ситуации он совершенно не повинен в том изъяти лорда, на который направлено острие толкиеновской критики: он не отправляет никого на смерть ради собственной прихоти и тщеславия - против их воли, рассчитывая только на безусловное подчинение. В начале сцены совета в Нарготронде (как она описана в «Лэйтиан») жители города и сами поддерживают идею войны с Морготом; в конце, после отречения Финрода, с ним уходят только те, кто сам пожелал. Да и сам Финрод здесь проявляет скорее «героизм любви и подчинения», отправляясь в трудное и даже безнадежное предприятие во исполнение клятвы, данной Барахиру.

Dixi.

Примечания

¹ В просторечии «имхи и глюки»:-)

² willow_41z «The Anglo-Saxons and the Rohirrim» http://henneth-annun.net/stories/chapter_view.cfm?stid=7068&SPOrdinal=1

³ В частности, отмечено в статье: RICHARD C. WEST. TURIN'S OFERMOD: An Old English Theme in the Development of the Story of Turin. // Tolkien's Legendarium : Essays on the History of Middle-Earth (Contributions to the Study of Science Fiction and Fantasy). 2000/01 Greenwood Pub Group. p. 233(14)

⁴ Например, замечания о характере Турина, опубликованные в составе редакторских комментариев к «Скитаниям Хурина».

⁵ «The Homecoming of Beorhtnoth Beorhthelm's Son»: Tolkien as a modern Anglo-Saxon. (J.R.R. Tolkien) (Critical Essay). J. Case Tompkins. // *Mythlore* 23.4 (Fall-Winter 2002): p. 67(9).

⁶ Тексты, за исключением «Беовульфа», можно найти в сборнике серии «Литературные памятники»: Древнеанглийская поэзия. М.: Наука, 1982. Перевод В. Г. Тихомирова под редакцией О. А. Смирницкой. «Беовульф» издавался в составе БВЛ, в составе сборника «Западноевропейский эпос» (Л.: Лениздат, 1977, с. 5-151), а также отдельно (Беовульф: Эпос. / Пер. с др.-англ. В. Тихомирова. СПб, Азбука-классика, 2005; там воспроизведены также статья и примечания БВЛ, причем в конце (с. 282) сделано любопытное уточнение об авторстве последних.). «Битва при Мэддоне» опубликована также в издании: Толкиен Дж.Р.Р. Возвращение Беорхтнота. Авторский сборник /Сост. К. Королев. М.-СПб, 2001. С. 329-350 (перевод В.Г. Тихомирова)

⁷ Издан посмертно в 1983 г., полный русский перевод: Толкиен Дж.Р.Р. Чудовища и критики. М., Elsewhere, 2006.

⁸ Не менее 2 переводов: М. Каменкович (использовано издание: Дж.Р.Р. Толкиен. Приключения Тома Бомбадила и другие истории. СПб., Азбука, 1999) и В. Тихомирова (использовано издание: Дж.Р.Р. Толкиен. Возвращение Беорхтнота. М., ЭКСМО-Пресс; СПб. Terra Fantastica, 2001 - которое удобно еще и тем, что в него входит и текст «Битвы при Мэддоне» того же переводчика). Цитаты далее даются использованием обоих переводов с уточнением (при необходимости) по тексту оригинала.

⁹ См., например John Halbrooks. Byrhtnoth's great-hearted mirth, or praise and blame in The Battle of Maldon. // *Philological Quarterly* 82.3 (Summer 2003): p235(21)

¹⁰ Shippey T. A. "Boar and Badger: An Old English Heroic Antithesis?" In Sources and Relations: Studies in Honour of J. E. Cross, edited by Marie Collins, Jocelyn Price, and Andrew Hamer, 233, цитируется по: RICHARD C. WEST. TURIN S OFERMOD ...

¹¹ О сочетании элементов см.: "The Homecoming of Beorhtnoth Beorhthelm's Son": Tolkien as a modern Anglo-Saxon. (J.R.R. Tolkien) (Critical Essay). J. Case Tompkins. ...

¹² Использован перевод Муравьева и Кистяковского с уточнениями по тексту оригинала.

¹³ Термин А. Блисса, см. ниже. Цит. по: A. Bliss. Editors Introduction // J.R.R. Tolkien. Finn and Hengest. The Fragment and the Episode. Edited by Alan Bliss. London, Harper Collins Publishers, 1998 p. 4. (Далее все ссылки на «Финна и Хенгеста» также даются по этому изданию)

¹⁴ История издания - там же, p. V.

¹⁵ Здесь и далее имеется в виду работа Chambers R.W. Beowulf: an Introduction to the Study of the Poem. Cambridge, 1921 - где изучению Финнсбургского эпизода и более ранних исследований о нем посвящена отдельная глава.

¹⁶ Finn and Hengest, p. 117.

¹⁷ См. статью «Ofermod».

¹⁸ Finn and Hengest, p. 118.

¹⁹ Finn and Hengest, p. 130.

²⁰ Finn and Hengest, p. 124.

²¹ Finn and Hengest, p. 119.

²² Перевод текста (на современный английский) см. Finn and Hengest, p. 155.

²³ О сторонниках этой точки зрения пишут и Толкиен, и Чамберс.

²⁴ Finn and Hengest, p. V-VI

²⁵ «Утраченные сказания», ч. II, гл. VI «История Эриола, или Эльфвине», с. 290-294.

²⁶ Условия феанорингов не были приняты (как и окончательно отвергнуты) - и тем не менее один из вариантов песни Бильбо об Эарендиле упоминает о нападении «with ... brocken troth» - что практически дословно совпадает с выражением, отнесенным к Хенгесту.

Параллельно интересно отметить замечание А. Блисса (Finn and Hengest, p. 161, note 4), о том, что в тексте мы на самом деле видим упоминания о **клятвах Финна**, а Хенгест лишь предлагает условия и принимает клятвы.

²⁷ Finn and Hengest, p. 161

«Палантир» с удовольствием представляет читателям вот уже вторую публикацию Анны Гумеровой. Это доклад, подготовленный для секции толкинистики Санкт-Петербургского Блинкома. Как и предыдущий доклад этого автора, прочитанный на V Толкиновском семинаре (январь 2007 г), он посвящен интереснейшей теме - отношениям между эльфийскими землями и внешним миром в рамках мира Толкина. На материале соответствующих глав «Властелина Колец» читателям предлагается поразмыслить над особенностями встречи Братства Кольца жителями Лориэна. Автору удастся показать, что эта серия эпизодов содержит ценную информацию по многим вопросам - таким, как положение Лориэна в окружающем мире или политическая культура эльфов. Правда, этот текст больше ставит вопросов, чем дает ответов, и содержит некоторые методологические неясности. Впрочем, для хорошего исследования нет ничего важнее, чем постановка вопросов, и можно надеяться, что автор продолжит работу в этом направлении, а у «Палантира» появится возможность опубликовать действительно хорошее полноценное исследование. Заметим, что тема отношений между эльфийскими землями и внешним миром не только интересна с точки зрения более глубокого понимания реалий Средиземья, но и является ключевой для понимания роли Волшебной страны в творчестве Толкина.

Ари (от редакции)

Лотлориэн представляется читателю неким аналогом Волшебной страны в Средиземье. Пребывание Братства Кольца в Лориэне - это отдых, они осознают и впоследствии вспоминают Лотлориэн как самое прекрасное из того, что было у них в жизни - учитывая в особенности то, что попадают они туда после Мории, после тяжелого перехода, битвы, гибели Гэндальфа и т.д. Поэтому некоторые особенности встречи на границе в Лориэне не сразу оказываются замеченными как Братством, так и читателями или же на них не обращают внимания, и только потом уже, при более внимательном рассмотрении, становится понятно, что встреча не была образцом дружелюбия.

Итак, Братство Кольца приходит в Лориэн, их принимают, кормят, укладывают спать, защищают от орков и провожают в Карас Галадон. То есть проявляют всяческую заботу. Но что происходит на заставе помимо этой заботы? Есть ли то, о чем читателю сообщается не напрямую, но о чем он вполне может догадаться, если захочет?

Я не собираюсь говорить о каких-либо заговорах или политических играх в

Лотлориэне. Очевидно, что можно порассуждать и на эту тему - например, попробовать понять, почему никого из Лориэна нет на Совете у Элронда.

Отчасти недружелюбная встреча связана с тем, что перед нами пограничники, которые ведут себя соответственно. Сюда относится крик «Даро!» (Стойте!) на который Леголас реагирует моментально, говоря спутникам: «Стойте тихо и не двигайтесь»; фонарь, которым Халдир светит в лицо хоббитам; вопрос Халдира «Сколько вас?» - даже если сами пограничники уже видели отряд и знают, кто в нем, они должны получить этот ответ от самого отряда. Это все не удивляет.

Слова приветствия, звучащие в ответ на рекомендацию Леголаса стоять и не шевелиться: «Вы так громко дышите, что вас можно подстрелить в темноте» - укладываются в стилистику поведения эльфов. То есть, первая реакция на поведение чужаков насмешка. То же самое происходит в «Хоббите», если мы вспомним: имладрисские эльфы встречают гномов и Бильбо шуточной песней и насмешками. Затем начинается серьезный разговор, который мы слышим в переводе Леголаса. Мы узнаем, что встречающим отряд пограничникам «кажется, немного известно о нем (Фродо) и о нашем походе»¹. Это интересно, особенно в свете того, что эти пограничники - как сообщает Халдир - действительно относительно недавно ведут наблюдение за рекой, однако не в связи с приходом Братства, а из-за орков, «идущих на север по направлению к Мории много дней назад»². Можно ли счесть, что пограничники поставлены сюда именно встречать Братство? Полагаю, что, возможно, отчасти на них была возложена и эта задача. Противоречия здесь никакого нет - известно, что Братство пройдет через эту заставу, поэтому важно отслеживать передвижение орков, ибо Братству, возможно, понадобится помощь - как это и случилось.

Отметим интересную деталь: Халдир просит подняться на талан Леголаса и Фродо. Почему Леголаса - понятно, он сородич. Фродо - тоже, в общем-то, понятно, раз они про него знают. А почему не предлагают подняться предводителю отряда? Возможно, они знают, что именно у Фродо есть некое важное задание, и поэтому полагают его предводителем отряда? Дальше я скажу об этом. Пока отмечу, что вопрос «Кто предводитель отряда?» даже не звучит, что, собственно говоря, не особенно логично. Очевидно, лориэнские эльфы сами решают, с кем общаться.

Затем звучит приветственная речь Халдира. Из нее я отмечу несколько наиболее характерных деталей.

Он говорит хоббитам: «Вы не выглядите злыми!»³. На мой взгляд, эта фраза показывает, настолько Лориэн отдален от всего остального Средиземья.

А дальше звучат слова, по которым мы можем предположить, откуда Халдиру известно что-то о походе: «До нас дошли слухи о вашем приходе, потому что посланцы Элронда прошли из Лориэна домой через Dimrill Stair... и «мы готовы принять вас, как попросил Элронд»⁴.

Собственно говоря, эти две фразы не синонимичны. То есть, с одной стороны, Халдир сообщает, что ему известны «слухи об их приходе» от разведчиков Элронда, которые, видимо, пообщались с лориэнскими пограничниками на обратном пути. И, с другой стороны, Халдир имеет приказ впустить Братство в Лориэн. От кого? Он говорит, что просил Элронд. Но вряд ли Элронд просил о приюте именно пограничников. Иначе выглядит забавно: главное, чтобы пограничники пустили, а уж с владыками как-нибудь договорятся... Конечно же, скорее всего, он просил Владык, но для Халдира,

видимо, это одно и то же: «Элронд просит нас, Лориэн». Поскольку лориэнские братья одни из немногих персонажей - не-лордов как во «Властелине Колец», так и в «Сильмариллионе», то перед нами явное свидетельство того, как эльфы могли относиться к своим лордам - владыкам - князьям.

А кто, кстати, эти разведчики?

«Сыновья Элронда, Элладан и Элроир, вернулись последними: они предприняли далекий поход, спустившись по Silverlode в странную страну. Но о своем путешествии они рассказали только отцу»⁵. Silverlode - это река в Лориэне, другое ее название - Celebrant. Соответственно, Лориэн посещают именно они, и они же беседуют с пограничниками.

Интересна ситуация с Гимли - Халдир отказывается его впустить, несмотря на приказ впустить Братство. Фродо справедливо указывает на то, что гнома послал тот же самый Элронд, который просил принять Братство. Но какова логика Халдира, почему для него этого недостаточно? Причин несколько. Во-первых, он не знает Фродо - даже если тот не обманывает, то может ошибаться. Во-вторых, может быть обманут сам Элронд. Затем происходит совещание, которого мы не слышим и в котором принимает участие Леголас. О чем оно могло быть, можем ли мы хотя бы предположить? Итоговое решение переводится, очевидно, специально для Фродо - все-таки Халдир считает Фродо предводителем или, во всяком случае, важной персоной. В частности, переводится сомнительная идея: гному завяжут глаза после перехода через реку. Сомнительная почему? Потому что гному об этом не сообщается. Можно предположить, что эльфы, в том числе и Леголас решили, в частности, это: Гимли не узнает об этом плане до перехода через реку, чтобы не сбить с толку весь отряд. Судя по реакции Леголаса на отказ Гимли завязывать глаза, это решение мог предложить он. Что еще могло быть сказано? Возможно, лориэнские пограничники получили от Леголаса оценку его поведения - что в принципе гному можно верить.

А затем происходит очень интересная вещь. А именно: отряд разделяют. Причем под охраной лориэнцев, которым «известно о Фродо и о походе», остаются все четыре хоббита. С прекрасной мотивацией - «мы не боимся вас»⁶. Надо полагать, что трое эльфийских воинов не боятся четырех хоббитов. Но, очевидно, остальных они боятся, поэтому и отправляют на другой талан под наблюдение Леголаса. Правда, Леголасу рекомендуется позвать их, если что-то будет не так. Вообще по этому разделению видно, что лориэнские эльфы не просто не любят чужаков, а полагают, что те могут представлять реальную опасность. Если им действительно известно нечто о Фродо, то они могут просто знать, что именно хоббитов надо особенно охранять. Причем, возможно, они могли подумать, что охранять надо в том числе и от остального отряда? Не может ли быть так, что перед нами какие-то особенности Лориэна - возможные недостатки могут проявиться ярче. Или же, как вариант, по умолчанию они всех отправили бы на соседний талан, но, зная нечто о цели похода, оставляют хоббитов у себя.

Ночью, если вкратце и глазами Фродо, происходит следующее. Сперва под таланом оказывается отряд орков, который тут же уходит в сторону, затем на талане появляется некий эльф, забрасывая лестницу, затем Горлум, который спускается и убегает, услышав Халдира, затем Халдир.

По словам Халдира, порядок таков: орков отманивают в сторону от талана, затем

Орофин идет предупреждать народ. Но один из эльфов появляется на талане сразу после ухода орков - возможно, как раз Орофин перед уходом в Лориэн, и, в таком случае, отманивают орков Халдир и Румил. В переводе Кистяковского, кстати, отманивает только Румил. Это не основано на тексте. В таком случае, где Румил на данный момент? Варианты: либо прав Кистяковский и отманивание целиком на совести Румила, либо же орки уже успешно отманены, и он оповещает второй талан о случившемся (логично, что он идет именно туда, где находится Леголас, который понимает лориэнское наречие). Второй вариант более вероятен, но тогда встают два вопроса. Во-первых, почему талан оставили без охраны? И во-вторых, почему орки уходят всем отрядом, если они подозревают что-то - а они стоят под таланом и, видимо, что-то вынюхивают? Почему они не разделяются? Собственно говоря, на оба этих вопроса можно ответить одним ответом. Если у пограничников были основания предполагать, что все орки пойдут за ними, то они могли спокойно оставить талан без охраны. Поэтому естественно предположить, что отманивание орков было сделано с применением неких чар.

К вопросу об охране: Халдир, рассказывая хоббиту о происшедшем, говорит следующее: «Нас трое, мы не могли бы сражаться с сотней орков». Забавно, что он посчитал только себя с братьями, не вспомнив ни о Леголасе, ни об Арагорне - но это вполне объяснимо, что он считал только своих воинов.

В повествовании о следующем дне есть два интересных момента. Во-первых, уже упоминавшийся эпизод с гномом - о нем я сказала, он вполне ясен. А во-вторых, речь Халдира по пути. На слова Мерри о том, что если бы он знал обо всех опасностях, то не ушел бы из дома, Халдир отвечает: «Даже для того, чтобы увидеть прекрасный Лориэн?»⁷

Из этого вопроса видно, что для Халдира его земля. Он разведчик, он бывал за пределами Лориэна - и он полагает, что Лотлориэн может вознаградить за все опасности по пути. Чтобы снизить пафос, добавлю, что Мерри не видит прекрасный Лориэн - у него завязаны глаза.

Таким образом, мы можем хотя бы отчасти представить, как приход Братства Кольца выглядел с точки зрения лориэнских пограничников. И я полагаю, что такой разбор может оказаться полезным для подготовки ролевых игр, где может возникнуть этот эпизод.

Примечания

¹ “They seem to have had some tidings of him and of our journey». Tolkien J.R.R.T. The Lord of the Rings. Book two. Lothlorien. P. 342.

² «We have been keeping watch on the rivers, ever since we saw a great troop of Orcs going north towards Moria <...> many days ago». Там же. С. 343-344.

³ «You do not look evil!» Там же. С. 344.

⁴ We have heard rumours of your coming, for the messengers of Elrond passed by Lorien on their way home up the Dimrill Stair. <...> we are willing to befriend you, as Elrond asked. Там же. С. 343.

⁵ См. Tolkien J.R.R.T. Указ. соч. The Ring goes South. С. 274.

⁶ “We do not fear them!» Tolkien J.R.R.T. The Lord of the Rings. Book two. Lothlorien. P. 344.

⁷ «Not even to see fair Lothlorien?» Там же. С. 348.

Эти заметки первоначально возникли как черновики при подготовке доклада для IV-го Толкиновского Семинара. В тогдашней, упрощенной форме они служили одной из опор в реконструкции стратегических целей Саурана и западных королевств в войне Последнего Союза. Теперь, расширенные и снабженные комментариями, прежде не получившими места на бумаге, они представляют, как я думаю, самостоятельную ценность. Тем не менее, их нельзя назвать исчерпывающим сводом всех упоминаемых Толкином событий Дней Бегства: попытки серьезного комментирования *каждого* из них, в силу скудости сведений о Второй Эпохе, могли бы привести к серьезным спекуляциям. Даже одно из крупных противоречий, присутствующих в черновиках Профессора, ниже лишь отмечено, но не объяснено. Главная ценность данных материалов - в совмещении и осмыслении хронологических вех, собранных у самого автора по разным сюжетным линиям в различных текстах. Что же касается осмысления, оно еще далеко не закончено... Не стоило бы и стремиться к публикации текста, если бы не надежда, что он может оказаться полезным для размышлений многих.

Итак, наиболее важные события военно-политической истории Второй Эпохи сведены здесь в сквозную хронологическую таблицу. Несколько слов о формате записей. Годы, обозначенные в левой колонке без пояснений {883}, взяты из точных указаний источников, заслуживающих доверия - обычно это **ВК** с Приложениями или тексты, в основном согласующиеся с «устойчивой сюжетной линией **ВК**» и притом рассматривающие датируемое событие специально, более подробно, чем другие части Легендариума (здесь стоит назвать **АНН**, **АиЭ**, **РЭ**, некоторые отрывки **ИГиК**). Приводятся годы, указанные в источниках приблизительно {~1600} или реконструированные с опорой на тексты Толкина (что сопровождается сносками на примечания, объясняющие «реконструкцию»). Иногда нельзя указать дату события, но известны верхняя и нижняя границы {1350..1400}. Встречаются длительные события, занимавшие не один год, например, войны {1693-1701}. Если определенный год вовсе не известен, но можно предполагать следование события в промежутке между другими, фигурирующими в таблице, оно может быть обозначено знаками вопроса {????}. Недостаточно достоверные даты могут сопровождаться отметкой о сомнении {(?) ~600}. В правой колонке через запятую перечислены источники, приводящие указанную датировку. Если год вычислен через сопоставление данных

разных текстов, или один текст содержит точный год события, а описание его взято из другого, используется знак сложения {РЭ + АНН}. Расшифровка аббревиатур названий текстов приводится в конце статьи.

Годы	Описание событий большой политической или военной важности	Источники
~500	Саурон начинает работу, эльфы замечают активность враждебной им силы.	ПЛ, ИГиК
600	Первый дундан (Взантур) достигает берегов Среднеземья - в Линдоне.	ООН, ПЛ, КиЛ
(?) ~600	«Аулэндиль» приходит к эльдар, стараясь обрести их доверие и дружбу ¹ .	КиЛ
~700	Начало заселения Эрегиона под началом Галадриэли и Кэлеборна.	ИГиК
~750	Основание Ост-ин-Эдиль, столицы Эрегиона ² .	ПЛ, ИГиК
750	Учреждение нуменорской Гильдии Морестранников.	АиЭ
750..800	Основание нуменорской Виньялондэ в устье Гватло ³ .	АиЭ
829-843	14-летнее плавание Алдариона в дальний Харад ⁴ .	АиЭ
877..882	Гиль-галад отправляет письмо Тар-Мэнэльдуру ⁵ .	АиЭ
883	Королем Нуменора становится Тар-Алдарин.	АиЭ, РЭ
~1000	Саурон встревожен нуменорцами, начинается возведение Барад-дура.	ПЛ
1098-1280	После смерти отца Тар-Анкалимэ не оказывает более помощи Гиль-галаду.	АиЭ, РЭ
(?) 1200	«Аулэндиль» является в Эриадор, добивается влияния на Мирдайн ⁶ .	ПЛ, ИГиК, ПР
~1200	Дунедайн начинают строить постоянные гавани в Среднеземье ⁷ .	ПЛ
1350..1400	Восстание Мирдайн: власть в Эрегионе переходит к Кэлебримбору.	ИГиК
????	Основание Тарбада нуменорцами ⁸ .	ИГиК
1500-1600	Создание Трех, Семи, Девяти Колец Власти и Управляющего Кольца.	ПЛ, ИГиК, ПР
~1600	Барад-дур завершен, Мирдайн и «Аулэндиль» делаются врагами.	ПЛ, ИГиК, ПР
1634	Рождение Тар-Кирьятана, «отца» широкой эксплуатации Среднеземья.	РЭ
1693-1701	Эрегионская война, Саурон захватывает Семь и Девять Колец Власти.	ПЛ, ИГиК
1695	Саурон вторгается в Эриадор, Кэлеборн и Эльронд защищают Эрегион.	ПЛ, ИГиК, КиЛ
1697	Эрегион разорен; вылазка Амрота и Дурина; основание Имладриса.	ПЛ, ИГиК
1699	Саурон оккупировал почти весь Эриадор, осаждает Митлунд и Имладрис ⁹ .	ПЛ, ПЛ2Э
1700	В Линдон приходит нуменорский флот, Саурон терпит ряд поражений.	ПЛ, ИГиК
1701	Эриадор освобожден, для западных земель начался долгий период мира.	ПЛ, ИГиК
(?)1701..1800	Основание Агларонда (Хорнбурга) и Ангреноста (Изенгарда) ¹⁰ .	ББИ, ИГиК
~1800..???	Саурон медленно распространяет власть на восток Среднеземья ¹¹ .	ПЛ + ПЛ2Э
~1725-1869	Морские завоевания Кирьятана на севере, востоке и юге ¹² .	РЭ
1869	Интронизация Тар-Кирьятана, «Короли стали жадны до богатств и власти».	РЭ, ПЛ2Э
2029-2221	Правление Тар-Атанамира Великого от получения скипетра до смерти ¹³ .	РЭ
2221-2386	Правление Тар-Анкалимона; в его дни произошло разделение дунедайн.	РЭ + АНН
~2221..2251	Впервые замечены улаири; начинаются самые мрачные из Черных Лет ¹⁴ .	ПЛ, АНН, ПЛ2Э
2280	Умбар сделан главной твердыней дунедайн (59-й год правления Тар-Анкалимона).	ПЛ
2350	Основание Пелартгира, основной гавани Верных в Среднеземье.	ПЛ + АНН
2516	Рождение Тар-Калмакиля, «в юности» одержавшего ряд побед над Врагом.	РЭ
(?) ~2600	84-й год жизни Тар-Калмакиля, предполагаемое начало его «юности» ¹⁵ .	—
(?) ~2700	Конец его «юности», Саурон переходит ко глухой обороне ¹⁶ .	—
2737-2825	Правление Тар-Калмакиля от получения скипетра до смерти.	РЭ
2899-2962	Правление Ар-Адунахора (запрет на изучение эльфийских языков).	ПЛ, РЭ
3102-3177	Правление Ар-Гимильзора (злейший враг Верных из числа Королей).	РЭ
3175	Раскаяние его старшего сына Инзиладуна, начало смуты.	ПЛ
3177	Смерть Ар-Гимильзора, скипетр принимает Инзиладун (Тар-Палантир) ¹⁷ .	РЭ
3243	Смерть его младшего брата Гимильхада, главы бывших «Людей Короля».	РЭ
~3244	Фаразон получает весть о смерти отца и покидает Среднеземье ¹⁸ .	—
~3245	Возвращение Фаразона в Нуменор: новые горькие заботы Тар-Палантира ¹⁹ .	—
3245..3255	Саурон провозглашает себя Королем Людей и нападает на колонии ²⁰ .	АНН
3255	Смерть Тар-Палантира, брак Тар-Миризли, Королем стал Ар-Фаразон.	ПЛ, РЭ
3261-3262	Пленение Саурона, аннексия его державы ²¹ , в том числе Барад-дура ²² .	ПЛ
3265	Саурон делается ближайшим советником Короля Ар-Фаразона.	ПЛ + АНН

3310	Втайне Ар-Фаразон начинает Великое Вооружение.	ПЛ
3319	Нападение дунедайн на Валинор, гибель Нуменора, Изменение Мира.	ПЛ, РЭ
3320	Элендил - Король Арнора и Гондора; Саурон возвращается в Мордор.	ПЛ
???	Эльфам и дунедайн становится известно о возвращении Саурана.	КВиЗЭ
3429-3441	Война Последнего Союза, завершившая дни величия королевств нолдор.	ПЛ, П#144
3429	Напав на Гондор, Саурон берет Минас Итиль; Исильдур бежит в Арнор.	ПЛ + КВиЗЭ
3430	Совет Элендила и Гиль-галада; создан Союз, позже названный Последним.	ПЛ + КВиЗЭ
3431-3434	Войска союзников стягиваются в Имладрис, вооружаются и обучаются.	ПЛ + КВиЗЭ
3434	Сражение на Дагорладе, начало семилетней осады Барад-дура.	ПЛ, ИГиК
3441	Последний штурм Ородруина, гибель Саурана; уланри «уходят в тень».	ПЛ + КВиЗЭ

Приложение.

Раскол дунедайн: появление Королевской Партии

Разумеется, сделанное мною в докладе утверждение о расколе дунедайн на Верных и Людей Короля, «наметившемся в XVIII веке В.Э», выглядит странно. Столетие, начавшееся с победы в Эрегионской войне..? Рассчитывая на удивление, я думал, что эти слова не будут отброшены без внимания: ведь они говорят о «наметившемся» расколе, о появлении его контуров. Но, к сожалению, читателям Профессора нередко приходят на ум слова из ПЛ:

2251 ¹³. Tar-Atanamir takes the sceptre. Rebellion and division of the Numenoreans begins.

2251. Тар-Атанамир принимает скипетр. Начинаются возмущение и разделение нуменорцев.

Цитата, имеющая мало отношения к делу. Она говорит о начале *самого раскола*, и ничего определенного не сообщает о начале *обозначения* будущего раскола в обществе, о выделении в нем группировок, между которыми позднее случится раскол. Впрочем, *открытое* разделение случилось даже позже, не в XXI в., а в XXIII-XXIV вв., при Тар-Анкалимоне (АНН):

Then Tar-Ancalimon, son of Atanamir, became King, and he was of like mind; and in his day the people of Numenor became divided. On the one hand was the greater party, and they were called the King's Men, and they grew proud and were estranged from the Eldar and the Valar. And on the other hand was the lesser party, and they were called the Elendili, the Elf-friends; for though they remained loyal indeed to the King and the House of Elros, they wished to keep the friendship of the Eldar, and they hearkened to the counsel of the Lords of the West.

Тогда королем стал Тар-Анкалимон, сын Атанамира, мысливший сходно; и в его дни народ Нуменора разделился. Одни, большая партия, называвшиеся Людьми Короля, исполнились гордости и отделились от эльдар и Валар. Другие, партия меньшая, звались элендилями, Друзьями Эльфов - поскольку, оставаясь покорными Королю и Дому Эльроса, они желали сохранять дружбу с эльдар, и прислушались к совету Владык Запада.

Даты правления Анкалимона: 2221-2386 (РЭ) ¹³.

На что **стоит** обратить внимание? Эти события, когда раскол стал совершенно открытым (оба течения обзавелись идентифицирующими именами), наступили не «вдруг». Так, хотя раскол произошел при Анкалимоне, Посланники из Валинора приходили к его отцу, Атанамиру (АНН, там же). Король не послушал их, и «большая часть его

народа поступила так же». Следовательно, разделение в мыслях уже существовало до Тар-Анкалимона, просто пока было скрытым. Вообще, **АНН** говорит об одной тенденции, проявившейся двояко: в переходе нуменорцев от роли благодетельных богов из-за Моря к роли жадных порабощителей, - и в появлении и возрастании стремления к посещению Амана и бессмертию. После рассказа об этих настроениях и о визите Посланников идет ремарка: «все это случилось во дни Тар-Кирытана и Тар-Атанамира, его сына». Таким образом, можно считать, что в умах дунедайн искомые очертания раскола стали обрисовываться при Тар-Кирытане.

Можно ли узнать что-то еще? Да! Вдумаемся - несколькими веками раньше *все* нуменорцы мыслили об этих вопросах подобно элендилям. Люди Короля - новое течение, и оно даже не накрыло всего общества: сохранилась заметная и значимая оппозиция. Следовательно, «материальная оболочка» идеологии Людей Короля развивалась со временем. Даже в массовых общественных движениях, отвечающих чаяниям великого множества людей и увлекающих за собой народы, есть ядро. Группа убежденных носителей идеи, выработавших ее в прежнем, чуждом окружении, ставших лидерами изменений на стадии перелома общего сознания. Движущая сила, преодолевающая инерцию масс. Такая творческая группа должна быть хорошо заметна в прежнем социуме, еще не измененном ею. Если мы найдем у Толкина ее, мы сможем сказать, что нашли зародыш Королевской Партии.

Первое искушение - вспомнить Гильдию Морестранников, и это будет ошибкой. Вклад Уинендилей в жизнь Острова не вызвал долгосрочного разлада, а временный был легким. И в итоге в Среднеземье ходили и Люди Короля, и Верные. Источник затяжного раскола - позже. Если мы обратимся к **РЭ**, то увидим, что после Тар-Анкалимэ первое правление, в описании которого что-то говорится о морских плаваниях - правление Тар-Минастира. Кое-что мы уже обнаруживаем, но очень мало. Всего лишь «тоска росла в сердцах нуменорцев» (и поэтому Король «проводил большую часть своего времени в высокой башне на холме Оромент близ Андуннэ, глядя на Запад». «Он любил эльдар, но завидовал им». Предпосылки к зарождению Королевской Партии уже были, однако ее будущие члены пока не поняли сами себя, сохраняя любовь к эльфам. Осознание собственных желаний и целей должно было положить этому конец. Итак, в это время обнаружена лишь подспудная, невысказанная тоска - еще не получившая словесного оформления, не приведенная в систему, неспособная поэтому послужить причиной раскола. Ведь и элендили завидовали эльфам! Просто они прислушались к Посланникам...

А вот следующее правление... Тар-Кирытан, наш знакомый по рассказу **АНН**! В **АНН** смущение нуменорцев, их новые настроения и визит Посланников отнесены «ко дням Тар-Кирытана и Тар-Атанамира, его сына». Но если Посланники пришли к Атанамиру, то на время Кирытана остаются лишь смущение и настроения? Почитаем **РЭ**...

He was born in the year 1634, and ruled for 160 years; he surrendered the sceptre in 2029, and died in 2035. He was a mighty King, but greedy of wealth; he built a great fleet of royal ships, and his servants brought back great store of metals and gems, and oppressed the men of Middle-earth. He scorned the yearnings of his father, and eased the restlessness of his heart by voyaging, east, and north, and south, until he took the sceptre. It is said that he constrained his father to yield to him ere of his free will he would. In this way (it is held) might the first coming of the Shadow upon the bliss of Numenor be seen.

Он родился в год 1634 и правил в продолжение 160 лет; он передал скипетр в год

2029 и умер в год 2035. Он был могуществен, но жаден до богатства; построил великое множество королевских кораблей, и **его слуги привозили в Нуменор много металлов и драгоценных камней и угнетали жителей Среднеземья**. Он презирал тоску своего отца и находил выход непокою своего сердца, плавая на восток, и на север, и на юг, пока не получил скипетра. Говорят, что он принудил отца передать ему скипетр прежде, чем тот намеревался сделать это по своей воле. Полагают, что в этом можно узреть первые признаки Тени, омрачившей благоденствие Нуменора.

Это - первое в **РЭ** описание модус операнди новых колонизаторов. И среди всех упоминаний во всем корпусе текстов оно имеет самую раннюю из четких привязок по внутренней хронологии. Напомню, для **АНН** «новые колонизаторы» - одно с жаждающими бессмертия и чуждающимися эльфов. Именно эти «слуги Кирьятана» (до восшествия на трон!) - будущая Королевская Партия.

Далее по датам можно определить период морских завоеваний принца Кирьятана (и его слуг): ~1725-1869 гг. Тогда и зародились искомые контуры, намечился грядущий раскол нуменорцев. Собственно, в **ПШ** так и написано:

c. 1800. From about this time onward the Numenoreans begin to establish dominions on the coasts. Sauron extends his power eastwards. The shadow falls on Numenor.

Около 1800. Примерно с этого времени нуменорцы начали создавать владения на берегах. Саурон распространяет свою власть на восток. **Тень пала на Нуменор.**

Просто из **ПШ** непонятно, что за Тень да где она... А вообще-то, не давая деталей и объяснений, **ПШ** прямо сообщает временную привязку зарождения раскола, которую мы с таким трудом выцарапали из массы других текстов.

Стоит заметить, что новое движение действительно лучше достигало своих главных целей - богатства и власти, - чем прежнее общество. Чтобы принудить Короля передать скипетр раньше, чем он того пожелает, нужно обладать немалой реальной властью, иметь сильных твердых сторонников. Даже если Кирьятан не делал этого, упорные слухи могли возникнуть лишь в ситуации, когда подобная версия событий казалась естественной непривычному к таким делам народу - значит, принц действительно обладал достаточными силой и властью.

¹ В **ПШ** приводятся другие сведения, причина расхождения неизвестна (см. запись ~1200).

² В **ПШ** к этой дате отнесено «основание Эрегиона нолдор», но рассказ **ИГиК** в этой части оказывается подробнее, различая начало заселения страны и основание ее столицы.

³ Точная дата нигде не приводится, однако к 800 году (объявление Алдариона королевским наследником) гавань уже упоминается как существующая, а заложена она была лишь спустя некоторое время после учреждения Гильдии Морестранников (750 год).

⁴ Это плавание интересно в первую очередь впечатлением, которое могло произвести на Саурона: так, в **ИГиК** путешествие Алдариона в Харад названо одной из причин усиления страхов Врага - наряду с основанием Ост-ин-Эдиль и первым появлением

кораблей дунедайн в Линдоне. Все эти события в совокупности привели Врага к идее создать укрепленное владение (в Мордоре).

⁵ Даты плавания «Хирилондэ», из которого Алдарион привез отцу письмо Гиль-галада.

⁶ Эти годы указаны в нескольких источниках, которым противоречит **Кил** (см. запись ~600). Я склонен признавать «устойчивый» вариант, а значение свидетельств **Кил** полагать меньшим. Возможно, там и вовсе подразумевается общение «Аулэндиля» с людьми.

⁷ Нельзя сказать, что это утверждение звучит естественно в контексте **НС** (см. запись 1098-1280).

⁸ В рассказе об Эрегионской войне (**ИГиК**) «переправа у Тарбада» охарактеризована как «прикрытая слабо», что подразумевает наличие форпоста, но скорее всего небольшого. Приложение D к той же **ИГиК** («Гавань Лонд-даэр») упоминает для времени войны «крепости по берегам Гватло», не уточняя, впрочем, насколько высоко по реке их можно было встретить. В Приложении D написано и другое: строительство большого порта на этом месте началось гораздо позже Алдариона, после осушения окрестных болот (и, скорее всего, после войны, когда также были быстро сведены последние леса по берегам Гватло).

⁹ Точная дата начала осады Имладриса в этой войне приводится лишь в **Пл2Э**, черновом варианте окончательной **Пл**. Тем не менее, она хорошо согласуется с общим описанием событий в **ИГиК**.

¹⁰ Никаких определенных указаний на время постройки Ангреноста в текстах нет. Тем не менее, Приложение (II) к **ББи** сообщает, что крепость существовала не сама по себе, но как часть оборонительной линии Агларонд (Хорнбург) - река Ангрен (Изен) - Ангреност (Изенгард). Так было еще в эпоху «древнего Гондора». Между тем, общее число сооружений, появление которых читатели часто относят ко времени между Акаллабет и концом В.Э., весьма велико. Сомнительно, что все они (как тот же Ангреност) были созданы в правление Исильдура и Анариона (и некоторые из общего списка в **КВиЗЭ** действительно возникли в совершенно иное время - как Аргонат). Более того, в тексте **КВиЗЭ**, говоря строго, вовсе не утверждается, будто Минас Итиль, Минас Амор, Остилиат, Агларонд или Ангреност воздвигнуты первыми Королями Гондора. Естественно предположить, что часть этого монументального строительства была произведена ранее. Для нижнего течения Андуина можно обратить внимание на период с XXVII столетия (победоносная юность Тар-Калмакиля, с которой ушли в прошлое более напряженные века) по начало XXXIV (это время характеризуется ужесточающимся преследованием Верных, подстегивавшим их эмиграцию в Среднеземье). Река Ангрен - другое дело. В Т.Э. после исчезновения Королей ее укрепления использовались для защиты западной границы Гондора от дикарей из Дунланда и Энедвайта (**ББи**). Однако там же отмечается, что «западная угроза» была невелика, вследствие чего привлекала мало внимания со стороны Правящих Наместников, и это стало одной из причин упадка Ангреноста. Можно заключить, что укрепленная линия была избыточной для обороны против дунлендингов, и поэтому о ее состоянии мало заботились. В таком случае причины ее сооружения нужно искать не в «западной угрозе». Остается только угроза восточная - Мордор. В самом деле, текст **ББи** завершается ярким описанием линии как неприступной преграды на пути любого вторжения с востока, целью которого было бы окружить Гондор или захватить Эриадор. Если это и было изначальным назначением Агларонда и Ангреноста, они могли быть построены лишь после завершения Эрегионской войны (1693-1701), зримо

продемонстрировавшей уязвимость Врат Каленардона. Здесь стоит заметить, что после войны Кэлеборт укреплял рубежи Лоринанда по Андуну на случай повторного вторжения (**ИГиК**) - так же могли поступить и дунедайн на Ангрене. Верхняя граница строительства менее определена, хотя ее можно проследить по его целесообразности. Примерно с 1800 года Саурон был полностью поглощен победами на востоке (и эльфы это знали, см. **ИГиК**), и непосредственная угроза западу отдалилась. Косвенным доводом в пользу укрепления Врат Каленардона до 1800 года служит и мнимое расхождение между **ПЛ** и **ИГиК**. Так, в **ПЛ** говорится, что «около 1800 года нуменорцы начали основывать владения на берегах», а в **ИГиК** «нуменорцы вкусили власти над Среднеземьем, и с этих пор [конец Эрегионской войны, 1701 год] начали основывать *постоянные поселения на западных берегах*». Как можно видеть, противоречие устраняется, если считать, что в **ИГиК** речь идет о деятельности дунедайн в Эриадоре и ближайших окрестностях, прямо связанной с прошедшей войной: о коренной вырубке леса по берегам Гватло, об осушении болот и строительстве речного порта на Тарбадской переправе... об укреплении Врат Каленардона. Тогда как **ПЛ**, в силу своей краткости, обращает внимание на более важную в перспективе «колониальную» тенденцию, начавшуюся веком позже и не привязанную именно к «западным берегам». Очевидно, по мере развития «колониализма» Корона тратила все меньше ресурсов на освоение северного региона (в т.ч. Эриадора), и с этого времени создание крепостей на Ангрене маловероятно. Любопытно, что указанный отрывок **ИГиК** привязывает сам долгий отказ Саурона от западной войны к рассматриваемой деятельности дунедайн и их возросшей мощи - лишняя причина считать, что в период с 1701 по 1800 годы нуменорцы крайне осложнили для Врага новое вторжение в Эриадор (например, перегородив Врата Каленардона). Добавлю также, что укрепления Ангреноста располагались *западнее* реки Ангрен (**БВИ**).

¹¹ Хотя начало этого периода указано лишь в **ПЛ**, сами события упомянуты в **КиЛ** и несколько раз в **ИГиК**. Продолжительность «мирного затишья» для западных земель нигде не конкретизирована, оно лишь названо «долгим» («for a long time», «for long»).

¹² Если 1869 год прямо назван в **РЭ** («плаваая на восток, и на север, и на юг, пока не получил скипетра»), то начало периода «морской экспансии с целью обогащения» уверенно определить невозможно. Приведенная здесь дата - предположение, исходящее из обычного возраста возмужания нуменорцев Дома Эльроса, и она может быть неточна. См. примечание 15.

¹³ В **ПЛ** датой получения скипетра Тар-Атанамиром назван 2251 год, тогда как в черновике (**ПЛ2Э**) это дата его смерти. В тексте, написанном позже (**РЭ**), начало правления Тар-Атанамира тоже никак не может приходиться на 2251 год, потому что он умирает в 2221. К.Р.Толкин подробно разбирает этот вопрос в комментариях к **РЭ** и **ПЛ2Э**, приходя к выводу, что утверждение **ПЛ** есть следствие случайной ошибки в процессе перепечатки текста, и на самом деле при составлении окончательного варианта **ПЛ** автор подразумевал 2251 год как год смерти Тар-Атанамира. Тем не менее, в более поздней работе (**РЭ**), включающей точные годы жизни и правления всех Королей Нуменора, дата изменена на 2221.

¹⁴ **ПЛ** указывает время первого появления Кольцепризраков как «примерно 2251», вместе со смертью Тар-Атанамира. Однако в датах его смерти существует расхождение (см. примечание 13). Неясно, полагал ли автор эти события непременно близкими по времени или их хронологическое совпадение в **ПЛ** случайно; поэтому приходится учитывать оба варианта. Именно с улаири связывается в **АНН** начало нового натиска

Врага. **ПИ2Э** прямо говорит, что период береговой экспансии дунедайн со строительством Умбара и созданием многочисленных владений сопровождался временным отказом Саурона от обладания берегами - и медленным покорением большей части Среднеземья (в восточном направлении). Этот период, согласно **ПИ2Э**, завершился одновременно с появлением улаири (после чего Враг «начал атаковать укрепления нуменорцев на морских берегах» - **АНН**). Тем не менее, Умбар был превращен в величайшую твердыню дунедайн позднее, в 2280 году. Возможно (хотя и не обязательно), это означает, что период безнаказанной береговой экспансии нуменорцев тогда еще продолжался, а активное использование улаири «в деле» началось несколько позже их первого открытого появления.

¹⁵ Вопрос о взрослении нуменорцев чрезвычайно запутан и все еще далек от прояснения. С одной стороны, они как будто бы выросли в то же время, что и обычные люди, затем долго оставались крепки телом и духом, пока их срок не приближался - и тогда они старели с обычной для людей скоростью. В таком случае их «юность» должна относиться, как и у других людей, к 20-30 годам. С другой стороны, слова «юность моя уходит» были произнесены Эрендис в возрасте 106 лет от роду (**АиЭ**), Тар-Калион (Ар-Фаразон) назван в **ПИ2Э** «юным королем» при получении скипетра (107 лет, впрочем, даты его жизни и смерти в окончательных вариантах противоречат хронологии **ПИ2Э**), Исильдур в **АНН** назван «юным по исчислению нуменорцев» для периода открытого распространения сатанической религии на Острове (предположительно, 3280-3290 годы, когда Исильдур было 70-80 лет). Рождение первенца у мужчин Дома Эльроса во В.Э. обычно происходит не ранее 90-летнего возраста, как видно из **РЭ**. По совокупности подобных мелких свидетельств я отнес «юность» Тар-Калмакиля к 2600-2700 годам, хотя это носит характер допущения. Его будущий наследник родился, когда отцу было 102 года.

¹⁶ «Это имя он взял, ибо в молодости своей был великим военачальником и завоевал обширные земли по берегам Среднеземья. Этим он пробудил ненависть Саурона, который, тем не менее, отступил и растил свою мощь на востоке, вдали от побережья, ожидая своего часа» (**РЭ**). Если учесть, что это было уже вторым стратегическим отступлением Саурона от побережий (см. примечание 14 и связанные с ним записи в таблице), после неудачной попытки вернуть превосходство с помощью улаири, станет ясно, что к концу «юности» Тар-Калмакиля все возможности военного торжества Врага над дунедайн были исчерпаны. Нуменор добился бесспорного стратегического преобладания.

¹⁷ К.Р.Толкин полагает, что утверждения **АНН** («когда Инзиладун принял скипетр, он взял имя на эльфийском языке, как встарь, назвав себя Тар-Палантиром») и **ПИ** («3175. Раскаяние Тар-Палантира. Гражданская война в Нуменоре») в совокупности должны означать, что интронизация Тар-Палантира имела место в том же 3175 году, что и его публичное раскаяние в делах прежних Королей. Он также пишет, что в **РЭ** смерть Ар-Гимильзора была обозначена вначале 3175 годом и лишь позже исправлена на 3177. Отсюда он делает вывод, будто и раскаяние Тар-Палантира предполагается в **РЭ** произошедшим в 3177 (хотя в тексте **РЭ** нет прямых указаний на это). Тем не менее, мы не знаем в точности, почему Дж.Р.Р.Толкин внес изменение в дату смерти Ар-Гимильзора. Возможно, он и в самом деле переносил на два года позже оба события. Возможно, он решил расположить получение скипетра Тар-Палантиром чуть позднее его раскаяния. В самом деле, и в **АНН**, и в **РЭ** образ мыслей Инзиладуна известен его отцу, и тот желал бы даже передать трон младшему сыну. Поскольку об этом пишет рассказчик, «внутренний автор» (для **АНН** - Элендиль), существование

конфликта между Королем и наследником было *известно в обществе*. Кто знает, не потому ли Профессор внес пресловутое изменение, что заметил эту деталь своего рассказа и сделал вывод о необходимости открытого раскаяния Инзиладуна *прежде* смерти его отца?

¹⁸ Сообщение между Островом и колониями шло через морские путешествия и требовало времени. Яркий, даже чрезмерный, случай «задержки» в передаче информации описан в примечании 20.

¹⁹ Согласно **АНН**, по возвращении на Остров Фаразон был принят бывшими «людьми Короля» (ставшими теперь антикоролевской партией Гимильхада) как новый лидер после его отца. Поэтому смерть Гимильхада «не принесла Королю покоя»: Фаразон стал «даже более неутомленным и жадным до богатства и власти, чем его отец». К тому же, он успел «заслужить великую славу как капитан на суше и на море» пока «часто... возглавлял нуменорцев в войнах на побережье, расширяя их владычество над людьми», так что «сердца народа были обращены к нему, ведь он привез с собой большие богатства и в был до времени щедр в дарах». Этой политической деятельностью Фаразон занимался около десяти лет, пока не стал Королем.

²⁰ Мореходы и капитаны, возвращавшиеся с востока, пришли к новому Королю после его коронации, рассказывая, что «Саурон прилагал большие усилия после того, как Ар-Фаразон покинул Среднеземье, и обложил города на побережьях... угрожая сбросить нуменорцев в море, и даже уничтожить Нуменор, если это возможно» (**АНН**). Итак, возвращение Врага к активным действиям произошло не ранее 3244 года, когда Фаразон отправился на Остров, и не позднее 3255 (коронация). Однако заранее и точно предвидеть смерть Гимильхада Саурон не мог, значит, хотя бы несколько лет ему требовалось на подготовку к войне. Видимо, начало войны немногом отстоит от 3244 года, хотя и ближе к нему, чем к году коронации. Что касается скорости передачи важнейших сведений о войне из колоний в метрополию (около десяти лет!), то ее нельзя полностью списать на долгий путь по морю. Похоже, кто-то из влиятельных нуменорцев сознательно препятствовал распространению информации о происходящем, так что Остров оставался в спокойствии и блаженном неведении, пока Фаразон не стал Королем. «Кем-то» вполне мог быть сам Фаразон. Но в различных повествованиях о его эпохе никаких подозрений такого рода не высказывается; это означает, что время передачи известий между колониями и Нуменором могло быть велико, и данная задержка не выглядела чрезвычайно неправдоподобной.

²¹ Слова об «аннексии державы Саурана» стоит обосновать. Если мы обратимся к изучению целей похода Ар-Фаразона, то увидим: в сердце конфликта лежало столкновение имперских амбиций, претензий на мировое господство. Король «желал не меньше, чем королевской власти над всем миром; он решил бросить вызов Саурону Великому, оспаривая верховенство в Среднеземье» (Приложение А к **БК**). В **П#156** Толкин пишет, что Враг «претендовал на власть королевскую и божественную над людьми Среднеземья; именно по поводу королевской власти Ар-Фаразон... в первую очередь бросил ему вызов» (а Саурон, напомню, в то время провозгласил себя Королем Людей - **АНН**). В другом виде суть конфликта нигде не представлена. В этой связи естественно предположить, что сокрушительная победа Короля сопровождалась и установлением его власти. В самом деле, в **П#211** говорится, что Ар-Фаразон «покорил и запугал подданных Саурана»; Умайя, взятый в Нуменор, характеризуется как «заложник» в **П#131**, **П#156**, в **АНН** («заложник за себя и всех своих слуг в Среднеземье»), а в **П#129** это понятие расшифровывается: «Ар-Фаразон пощадил его жизнь, однако лишил его всех титулов, и сделал пленником, и отвез с собою в Нуменор - как заложника послушания и верности всех, кто прежде был обязан ему лояльностью». Альтернативные мотивы можно отыскать лишь в самых ранних набросках истории, где дунедайн вообще не имели колоний до Ар-Фаразона. Таким образом, можно уверенно сказать, что переход державы Саурана под сюзеренитет нуменорских Королей имел место.

²² Оккупировав Мордор (см. выше), Ар-Фаразон мог поступить по-разному в отношении величайшей крепости Среднеземья: разрушить, запереть и оставить пустой, расположить там свой гарнизон. Первый вариант однозначно отсекается рассказом **АНН** и **КВи39** о Низвержении Нуменора и возвращении духа Врага в Барад-дур, «свою

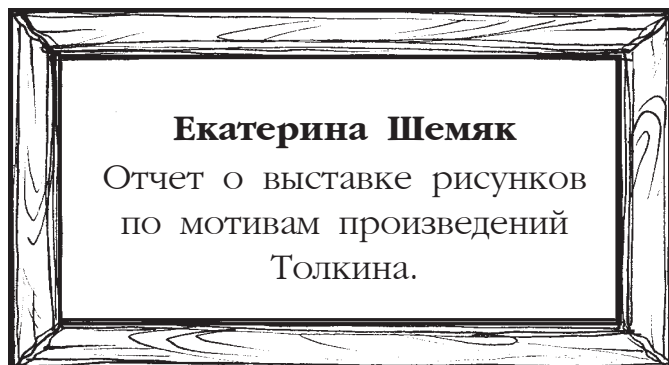
крепость в Черном Краю». Что касается второго, в нем вообще заключено мало смысла: в пустую крепость несложно проникнуть, даже если она заперта - ведь и наличие защитников не гарантирует от подобного. К тому же, в ранних набросках истории Последнего Союза Толкин предполагал, что победители опустошили Барад-дур и оставили его запертым, под наблюдением своих дозорных - но затем отказался от этой идеи, заменив ее другой: «Темная Башня была разбита, но ее фундамент сохранился» (**БК**, кн. II, гл. 2; тот же мотив в **КВиЗЭ**, и в **ПЛ**, повествующей о «восстановлении» Барад-дура в конце Т.Э.). Почему Профессор сделал это изменение, если оно автоматически означало введение сомнительной концепции «восстановления» крепости за 68 лет (с 2951 по 3019 годы Т.Э.), тогда как во В.Э. она строилась шесть столетий? Внутренних сюжетных причин не видно; должно быть, автор сам посчитал идею «пустой запертой крепости» неправдоподобной. Остается третий вариант - Ар-Фаразон поставил в Барад-дуре свой гарнизон. К этому выводу может привести и взгляд на образную систему: в Прологе к **БК** Толкин пишет, что «Саурон был бы не уничтожен, а поработен, и Барад-дур был бы не разрушен, а оккупирован», если бы Вторая Мировая война «вдохновляла или направляла развитие легенды». Между тем, битва Саурона с Ар-Фаразоном и впрямь сходна со Второй Мировой в своих мотивах. В реальной истории имел место конфликт притязаний империалистических держав на доминирующую роль в мире. В воображаемой - тоже. Так, **П#131**, авторский «конспект» мифологии, говорит об империалистическом характере державы Саурона («Саурон повелевает умножающимися ордами людей, что никогда не общались с эльфами... он правит растущей империей из гигантской темной башни Барад-дур в Мордоре, близ Горы Огня, владея Единым Кольцом») и вместе с тем называет Саурона «конкурентом» Ар-Фаразона (подразумевая восприятие ситуации самим Королем) в связи с саурановым самопровозглашением «Королем Королей и Владыкой Мира» (в других текстах приводятся иные титулы, но суть не меняется). Т.е. оба настроены «имперски», что делает их столкновение похожим на Первую и Вторую Мировые войны (и влечет за собой сказанное автором в Прологе к **БК** об «оккупации Барад-дура»). Об имперских устремлениях противников см. также примечание 21.

Использованные источники:

- БК** - «Властелин Колец».
- НС** - «Неоконченные сказания Нуменора и Среднеземья».
- ИС** - «История Среднеземья», 12-томное собрание черновики.
- ПЛ** - «Повесть лет (Хронология западных земель)», Приложение В к **БК**.
- ИГик** - «История Галадриэли и Келеборна, а также Амрота, короля Лориэна» из **НС**.
- ООН** - «Описание острова Нуменора» из **НС**.
- КиЛ** - «О карлах и людях»: **ИС**, том XII, ч. II, гл. X.
- АиЭ** - «Алдарион и Эрендис (Жена морехода)» из **НС**.
- РЭ** - «Род Эльроса: Короли Нуменора от основания града Армэнелоса до Низвержения» из **НС**.
- ПР** - «Последние работы (о Глорфиндэле, Кирдане и других вопросах)»: **ИС**, том XII, ч. II, гл. XIII.
- ПЛ123** - «Повесть лет Второй Эпохи»: **ИС**, том XII, ч. I, гл. VI.
- ББИ** - «Битвы у бродов Изена» из **НС**.
- КВиЗЭ** - «О Кольцах Власти и о Третьей Эпохе», часть опубликованного «Сильмариллиона».
- АНН** - «Акаллабет (Низвержение Нуменора)», часть опубликованного «Сильмариллиона».
- П#NN** - письмо за номером NN из «Писем Дж.Р.Р.Толкина» под ред. Х.Карпентера и К.Р.Толкина.

Цитаты из **НС** и **ИС** даны либо согласно изданиям ТТТ, либо в моем собственном подстрочном переводе (когда издание ТТТ еще не существует, или требуется более точная передача значения оригинального текста в ущерб качеству речи). «Письма Дж.Р.Р.Толкина» цитируются по переводу С.Лихачевой под редакцией А.Хромовой и С.Таскаевой (с той же оговоркой). Все прочее - в моем подстрочном переводе.

С 14 по 16 марта 2008 г. в Санкт-Петербурге, в Доме молодежи Адмиралтейского района “Рекорд”, состоялась выставка графики по произведениям Дж.Р.Р.Толкина в рамках арт-проекта “ПРИ-творчество”. Выставка прошла при участии галереи Третьякова и Санкт-Петербургского Толкиновского общества.

Некоммерческий арт-проект “ПРИ-творчество” был задуман как художественная акция на основе выставки книжной графики, имеющая своей целью привлечение внимания к традиционным приемам иллюстрирования литературы жанра фэнтези. «На текущий момент, - пишет организатор выставки Марина Красильникова, - иллюстрирование книг жанра фэнтези в основном сводится к работе с обложками. Традиция же внутриполосной иллюстрации постепенно сходит на нет. Сложившиеся и используемые в работе над оформлением типажи, приемы и образы, потеряв изначальную эстетическую гротескность, растиражированы до оскомины. В результате в массовом сознании складывается обобщенно-искаженное восприятие жанра. Мы не тешим себя иллюзией изменить ситуацию, разве что привлечь внимание...»

Наравне с художественной задачей, выставка преследовала цель привлечения внимания к собственно творчеству Толкина, а не вторичных произведений - как

кинематографических, так и литературных. К сожалению, именно вторичные произведения зачастую формируют мнение постороннего человека, и уводят его весьма далеко от самого Толкина. По словам Марины, «темой первой выставки и сопутствующих ей событий будет иллюстративное сопровождение творчества Дж.Р.Р.Толкина и развитие художественного взгляда на сотворенный им мир.»

На экспозиции выставлялись работы Марины Красильниковой, Валентины Левшиной, Екатерины Шемяк и Туулики. Общим свойством всех работ выставки была «традиционная» графика: все работы были выполнены «от руки», без применения компьютерных технологий.

Марина Красильникова (Хейд) - иллюстратор, куратор и “продвигатор” проекта - окончила Мухинское училище, работает иллюстратором в медиахолдинге “Эксперт”. На выставке представила несколько портретных иллюстраций, трактующих ключевых героев «Сильмариллиона» - Тингола, Турина, Аредель, Эльвинг и других.

“Дээрри”

Валентина Левшина - окончила Московский Государственный Университет Печати, факультет графических искусств. Работает дизайнером. На выставку привезла проект иллюстрированного издания «Сильмариллиона». В ее проекте текст становится частью иллюстрации, и формирует зрительный образ наравне со вносимой смысловой информацией. Макет был дипломной работой Валентины.

Екатерина Шемяк - соавтор проекта - демонстрировала иллюстрации к неизданному проекту «Толкиновской энциклопедии», «Песням Тома Бомбадила», а также к «Властелину колец», который издается сейчас в Минске и является первым изданием на белорусском языке.

Туулики подготовила рисунки персонажей «Сильмариллиона».

Кроме того, в центре экспозиции располагались стенды с иллюстрациями самого Толкина к собственным книгам.

Рисование было для Толкина неотъемлемой частью не только творчества, но и повседневной жизни. Кроме окружающих пейзажей, он создал множество рисунков для своих детей - как в дополнение к сочиненным историям, так и «просто так». Сам он считал свои способности достаточно скромными, и из всех изобразительных жанров предпочитал пейзажи. Однако, это не помешало ему создать полноцветные рисунки к некоторым детским произведениям: «Роверандому», «Мистеру Блисссу» к «Письмам Деда Мороза» и к «Хоббиту». К сожалению, в России не было ни одного официального лицензионного издания, в котором были бы напечатаны авторские иллюстрации, поэтому русскоязычному читателю художественное наследие Толкина знакомо в значительно меньшей степени, чем текстовое.

В рамках мероприятия происходил показ мультипликационных фильмов студии ТТТ, снятых по произведениям Толкина «Кот», «Фаститокалон», «Олифант», «Фириэль» и «Мистер Блисс».

В вечерние часы в аудитории проходили акустические концерты: 15 марта - концерт ансамбля старинной музыки “Lorem Ipsum”, 16 марта концерт группы “Tam Lin”, в котором приняли участие все, у кого было желание потанцевать.

